

Дилер реальности

Автор:

Николас Димитров

Дилер реальности

Николас Димитров

Сингапур недалекого будущего стал мировой столицей бизнеса и развлечений. Потребление достигло предела, мораль вышла из моды, религии превратились в фастфуд. Человечество погрязло в разврате и излишествах. А у элиты появился новый, особый вид развлечений – цифровой наркотик под названием «Персональные Реальности». В них можно удовлетворить любую, самую порочную и преступную фантазию и, возможно, получить цифровое бессмертие... Корпоративный шпион Золтан Варго получает задание проникнуть в недра могущественной корпорации, которая готовит этот наркотик к массовому распространению. Золтан должен выяснить суть зловещего проекта, однако сам оказывается втянут в дьявольскую игру: от порнографического эксперимента над миллионами людей, до свержения всех мировых религий. Эти события неожиданно ломают все его планы. И Золтан открывает для себя одну потрясающую истину...

Николас Димитров

Дилер реальности

© Димитров Н., 2019

© Зволинская М., Кравцов Н. Иллюстрации, 2019

* * *

Посвящается Габриэлю Гарсиа Маркесу и моей любимой Марине

Часть 1

– Я хочу трахнуть Каролину Шиллер – желательно прямо на подиуме.

Клиент замолчал, будто сам удивился своему запросу. Однако присутствующих на встрече ничего не смутило. Один из них, лет пятидесяти, одетый в расшитый по рукаву костюм платинового цвета, с пестрым галстуком и бриллиантовой брошью, лишь одобрительно кивнул, проведя рукой по своей козлиной бородке. Второй, молодой и подвижный ассистент в оправленных деревом очках, забегал пальцами по планшету.

– Принято, – сказал тот, что постарше.

Клиент нервно заерзал на кожаном диване и еще раз осмотрел кабинет, расположенный на верхнем этаже небоскреба «Транс-Реалити». Разговор происходил в роскошном зале для встреч с VIP-клиентами – огромные картины «ню», дизайнерская мебель в стиле минимализма, панорамные окна и отдельный лифт внушали доверие. Но ему и самому не верилось в то, что именно они тут обсуждали.

– Вы действительно можете это устроить?

– Безусловно.

– Но как? Эта стерва считает себя суперзвездой... Она в упор меня не видит! Я уже перепробовал все подкаты! Это стало для меня делом принципа.

– Если это невозможно в существующей реальности, мы сконструируем для вас новую, – подал голос молодой. – Именно этим занимается наша корпорация.

– И сколько это будет стоить?

– Недешево. Однако не думаю, что этот вопрос должен вас беспокоить. Но есть один нюанс...

– Какой еще нюанс?

– Вы высказали желание «внедриться» в элитную модель. Без проблем. Но для этого нам придется внедриться в ваш мозг.

0001

Огромное помещение – я вижу его словно в разрезе. Несмотря на то что я здесь впервые, точно знаю, где нахожусь. Это Интертуалет.

Просторный зал с высокими потолками заполнен рядами унитазов, растворяющихся в темноте. Извилистые трубы, крепко цепляющиеся за них, тянутся вниз, в подземную клоаку, размеры которой намного превосходят верхнее помещение. Здесь уже много людей, и постоянно прибывают новые посетители – кажется, зал вот-вот лопнет. Люди молча подходят к унитазам, но вместо того чтобы садиться на них, прикладывают к ним лица. В эту фаянсовую воронку они спускают свои сокровенные мысли, потаенные желания,

несбывшиеся надежды.

Все эти мыслительные отходы, перемешиваясь, бурными потоками устремляются вниз, где образуют токсичное озеро, с шипением разъедающее стены огромного резервуара. Устремленные сверху потоки начинают бить сильнее, и волны, отражающиеся от гулких стен, накрывают меня с головой. Становится ясно, что резервуар вот-вот заполнится до краев и бесцветная жижа хлынет из унитазов, словно из музыкального фонтана. Но вместо музыки будут звучать вопли ужаса посетителей Интертуалета, и никто не расслышит среди них мой крик. Я останусь внизу, раздавленный и лишенный воздуха.

Мне становится жутко – я хочу убежать – ищу выход – беззвучно кричу. И словно в ответ на это раздается хлопанье крыльев. Прямо перед моим лицом проносится огромный черный ворон.

Я просыпаюсь. Это один из необъяснимо реалистичных снов, что постоянно мучают меня. Антидепрессанты и снотворное не помогают, и мне приходится только смириться с происходящим.

Иду на кухню, жадными глотками пью воду из-под крана. Затем долго стою у окна, вглядываясь в ночной Сингапур. По инерции пытаюсь вспомнить все детали этого сна, сам не знаю зачем. Когда морок проходит, машинально заглядываю в монитор на кухонном столе. В чате – сообщение от моего работодателя Харона. «Новый большой проект. В 11.00 на станции». Наконец-то работа! Ведь я полностью на мели. Возможно, потому и вижу эти дурацкие сны.

Жизнь фрилансера – как американские горки: сегодня ты стоишь на балконе люксовой квартиры с видом на ботанический сад, попиваешь дорогой коньяк и ожидаешь доставки из ресторана. А завтра – давишься лапшой в дешевой закусочной, смахивая со смартфона сообщения о просроченных платежах. Мысль о том, что после получения аванса я смогу вернуться к первому варианту, действует на меня умиротворяюще. Я привык к искусственному миру своей квартиры, стены которой оберегают меня от шума и суеты этого города. Тут бы я и оставался месяцами, читая и рисуя свои сны на огромных холстах. Но, увы,

безмятежная жизнь в двухкомнатной студии под самой крышей элитного небоскреба стоит недешево.

Смотрю на часы в углу экрана – без трех минут три. Снова заснуть я точно не смогу. Из-за стены доносится приглушенный вой моего соседа-наркомана. Возможно, именно эти крики послужили причиной моего пробуждения, а не удушающий бред, из которого я только что вынырнул. Еще двадцать лет назад соседу грозила бы смертная казнь. Иногда мне хочется убить его, иногда мне до слез его жаль. Эти крики служат напоминанием: ты можешь купить апартаменты в доме с огромной смотровой террасой и приятным запахом в лифте, однако Новый Сингапур и тут тебя достанет. Ультраконсервативный город изменился до неузнаваемости: за стеной все равно окажется сомнительный тип, издающий нечленораздельные звуки по ночам. Или через соседний балкон будет греметь оглушительный рэв вперемешку с визгами пьяной молодежи. «В любой бочке меда всегда найдется ложка дерьма. Главное, знать, где именно она плавает», – вспоминаю я любимую присказку Харона.

Стучу в стену, и крики утихают – трансформируются в неразборчивое бормотание, которое почти полностью гасит звукоизоляция. Отдохни, приятель. И в следующий раз поищи дилера получше.

Бреду в сторону ванной. Моя квартира похожа на меня. Однотонные стены, никаких картин, никаких интерьерных примочек, никаких милых вещиц, никаких логотипов. Ноль индивидуальности. Чтобы так обезличить свое жилище, нужно как следует постараться. Это не минимализм, даже не аскетизм, а полное отсутствие лица. «Не имея лица, не потеряешь его», – наставлял меня Харон когда-то давно, еще обучая ремеслу. Я хорошо усвоил это правило. Я никогда и не имел собственной личности, постоянно прячась за выдуманными.

Забираюсь под душ, затем одеваюсь и выхожу из дома, решив не возвращаться сюда до самой встречи. Середина октября – дождь и не думает заканчиваться. Вот и сейчас – то ли влажная дымка, то ли мелкая морось, парящая в воздухе. Рубашка тут же прилипает к спине, и, забравшись в машину, я спешу включить кондиционер. Радио просыпается автоматически, но я брезгливо вырубаю его. Никакого шума, кроме естественных звуков ночи: щебетания птиц, чудом выживших в этом городе, трескотня цикад, далекий вой сирен, едва уловимый стук колес поезда, несущегося из ниоткуда в никуда.

Как я убью эту ночь, точнее ее остаток, мне пока неизвестно. Ночь с воскресенья на понедельник – значит, ночные клубы закрыты и в круглосуточных барах тоже царит пустота. Это правило действует даже в Сингапуре, который, как все думают, никогда не спит. Сам того не замечая, я разгоняю машину до двухсот километров в час. Когда-то при столь дерзком превышении скорости в машине звывала бы оглушающая сирена. Сегодня же я безнаказанно мчу по эстакаде мимо вереницы черных окон, изредка подсвеченных чьей-то бессонницей. Ночной город мелькает обрывками марева, которое перемежается вспышками стробоскопа – это ярко подсвеченная реклама, обращенная ни к кому. Съезжаю с эстакады и едва не врезаюсь в ярко-оранжевую спортивную машину, неожиданно выскочившую на перекресток. Визжат тормоза, оглушительно скрежещут колеса, оранжевое авто вертится на месте, и я, проносясь мимо, успеваю разглядеть искаженные ужасом лица людей в машине. Парень и девушка, совсем юные, почти подростки. Только спустя несколько минут и десяток кварталов я понимаю, что чуть не угробил их и чуть не погиб сам. И, ясно осознав это, ничего не чувствую. Смерть никогда не пугала меня. Это качество я скрывал даже от родителей, не желая выглядеть фриком. О нем знал только Харон. Не потому ли он и выделил меня среди других?

Через несколько минут я оказываюсь на краю пятого дистрикта, бывшего района Гейланг, где проститутки терпеливо ждут встречи с ночными бродягами вроде меня. Для досуга я предпочитаю компанию именно таких женщин, не лезущих в душу и не требующих внимания. Первая же попавшаяся девчонка вполне соответствует моему сексотипу: худощавая, с детскими чертами лица, на вид не больше двадцати.

Поздним утром я просыпаюсь в дешевом отеле с видом на промзону. Девушка еще спит, подтянув угловатые коленки к груди, трогательная и беспомощная. Полюбовавшись немного ее ямочками на щеках и убедившись, что она не обчистила за ночь мои карманы, я покидаю ночлежку, чтобы отправиться на встречу с Хароном. По дороге решаю заглянуть в автоцерковь.

Не то чтобы я очень религиозен. Мне просто нравятся церковные ощущения – спертый воздух и наркотический аромат ладана заставляют мой мозг работать быстрее. Должно быть, потому, что в эти моменты я четко осознаю

неисправимую бессмысленность бытия. Это ощущение, столь близкое мне и столь далекое от суеты мегаполиса, помогает спрятать мою уязвимость под маской иронии.

В тускло освещенном холле универсальной автоцеркви, вписанной в квартал между стрип-баром и магазином гаджетов, в это время никого нет. Я захожу в одну из кабинок-капсул, двери за мной смыкаются, и темные стены-экраны окружают меня со всех сторон. На мониторе передо мной появляется текст.

ПОЖАЛУЙСТА ВЫБЕРИТЕ РЕЛИГИЮ

Выпадает меню. Просмотрев его, тыкаю пальцем в «умеренный католицизм».

ПЛАТНЫЙ ИЛИ БЕСПЛАТНЫЙ РЕЖИМ

Ладно, раскошелюсь сегодня, чтобы не смотреть бесконечную рекламу перед исповедью. К тому же Харон скоро должен пополнить мой счет. Я прикладываю телефон к считывателю, подтверждаю сумму и заказываю пакет «Богоугодный», в который входят воскурение фимиама, зажигание свечи, песнопения в записи и, конечно, интерактивная исповедь. После этого на экранах вокруг меня возникает католический храм с горящими на амвоне десятками свечей, по кабинке распространяется любимый мною запах ладана. Из динамиков, вмонтированных в потолок кабины, доносятся голоса юных хористов. Передо мной зависает текст, призывающий меня опуститься на колени, а из пола выезжает специальная скамеечка.

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь! – произношу я, чтобы запустить процесс исповеди. Аватарка, появившаяся перед моими глазами, изображает смуглого епископа в массивных очках. Смахиваю ее в сторону – раздражает.

– Господь да пребудет в сердце твоём... – доносится из динамиков голос с индийским акцентом. – Когда ты исповедовался в последний раз?

– Неделю назад, святой отец. И с тех пор я успел согрешить.

– Каковы твои грехи, сын мой?

Так, надо войти в роль кающегося, а то к чему весь этот спектакль.

– Я лгал, воровал, сквернословил, богохульствовал, занимался онанизмом, принимал наркотики и трахал проституток, – импровизирую я. – Вроде все, но, возможно, я что-то упустил.

– Тяжелы грехи твои, сын мой, – произносит безучастный голос. – Но я отпускаю их во имя Отца, Сына и Святого Духа.

– Да, вот еще что. В Бога я тоже не верю, – предстоящая встреча с Хароном настроила меня на озорной лад.

– Бог прощает тебе и это, – смиренно отвечает священник.

– Вот и чудненько. Как там погода в Бангалоре?

– Я из Калькутты, сын мой. Очень жарко – почти сорок градусов.

– Хорошего вам дня, святой отец.

– Иди с миром.

Выйдя из автоцеркви, я ощущаю, что на душе полегчало – вот она, сила исповеди! Нужно поднажать, чтобы не опоздать на встречу с Хароном.

0002

«Харон», разумеется, не его настоящее имя – когда-то я в шутку прозвал так своего работодателя за его любовь к деньгам. Он брал бы их и с мертвых на пути к вечности, будь у него такая возможность. Старика, похоже, эта кличка вполне устраивала. Свое настоящее имя он светить не любил: его страсть к конспирации иногда напоминала паранойю. Мое имя он тоже трансформировал, сократив его до одной буквы. «Зет» – так называл он меня обычно и только в особых случаях использовал полную форму: Золтан.

Станция, где мы обычно встречаемся, является частью подземного метрополитена. Я оказываюсь на месте чуть раньше назначенного времени. Людей здесь совсем немного, не больше десятка: утренняя толпа часа пик уже схлынула, а обеденная вольется сюда еще нескоро. В ожидании Харона развлекаю себя тем, что пытаюсь вычислить его телохранителя среди присутствующих на станции людей. Обычно он появляется чуть раньше, чтобы оценить обстановку. Каждый раз это новый человек, но во всех них, естественно, есть что-то общее. Кто же это может быть? Тот мужик с журналом кроссвордов, что подпирает колонну? Или крепыш с бычьей шеей, что устоял в свой мобильный, стоя на самом краю платформы? А может, присевший на соседнюю скамейку бродяга с дредами и татуировкой, закрывающей пол-лица? Такого типа сложно принять за телохранителя, и я почти уверен, что именно он работает на Харона – тот любит окружать себя людьми бродяжьего вида, считая их невидимыми.

Чтобы скрасить ожидание, кладу на колено блокнот и принимаюсь рисовать портрет типа с дредами, стараясь в точности перенести на бумагу сплетения его татуировки. Заметив, что я на него посматриваю, он бросает на меня выразительный взгляд, в котором подозрение смешано с удивлением. Но мне все равно, я слишком увлечен рисунком. Завершаю портрет как раз в тот момент, когда Харон появляется на станции.

Любой, кто его не знает, увидит в нем лишь бомжеватого старика-азиата. Длинные седые патлы, собранные на затылке резинкой, какой перевязывают пачки денег, неухоженная борода, растянутый свитер, неопределенного цвета джинсы и стоптанные ботинки. Никто бы и не заподозрил в нем крутого подпольного воротилу, главу целой сети уличных банд и мошеннических группировок, что умудрялись промышлять на улицах Сингапура даже во времена строжайших ограничений. Этого мастера мимикрии выдает только взгляд, быстрый и цепкий. А еще полное отсутствие мимики, словно его лицо отлили из воска.

Быстрым движением глаз он сканирует пустынную станцию, замечает меня. Не подав виду, сначала проходит мимо, потом возвращается и садится рядом. Поначалу подобные приемы конспирации меня забавляли. Однако со временем я понял, что все это делается не зря.

Как и всегда, когда мы встречаемся, сразу переходим к делу. Разговоры о погоде и другие условности только тратят драгоценное время. Харон же не любит находиться на людях слишком долго.

– В этот раз у меня для тебя что-то особенное, Зет. Тебе знакома корпорация «Транс-Реалити»?

Отрицательно мотаю головой. Название вроде где-то слышал, но ничего конкретного в памяти не всплывает.

– У них главный офис здесь, в Сингапуре, – подсказывает Харон.

Это мне ничего не дает. После того как небольшая страна превратилась в сплошную свободную экономическую зону и стала мировым центром операций с криптовалютами, сотни, если не тысячи, транснациональных контор перенесли свои главные офисы сюда. Старик понял, что придется начать с экскурса в историю, и устроился поудобнее.

– Раньше корпорация носила название «Глобал Медиа Груп» и занималась медийными проектами. Информационные агентства, новостные каналы, развлекательный контент и тому подобное. Пару лет назад компания пережила реструктуризацию. Почти все медиаплатформы, входившие в холдинг, были распроданы, тысячи сотрудников уволены. Из трех десятков первоначальных

акционеров остались лишь несколько крупнейших. Остальные были поглощены, доведены до разорения или лишены своей доли акций другими методами. Затем – смена названия, новый штат специалистов со всего мира. И – новые приобретения. «Транс-Реалити» поглотила несколько крупных исследовательских компаний. Эти сделки не афишировались, но полностью утаить их тоже не удалось. Фармацевтика, генетика, искусственный интеллект – вот лишь часть списка их интересов. Кроме того, не так давно корпорация стала владельцем сети автоцерквей.

– Как раз сегодня был в одной из них.

– Ты ведь неверующий.

– Чтобы извлекать пользу из церкви, верить не обязательно.

– Ладно, дело твое. Вернемся к корпорации. Ее основателем и президентом является медиамагнат Саул Гаади. О нем я знаю немного, и вообще, личность он довольно загадочная. Кажется, он откуда-то с Ближнего Востока, но последние годы живет в Сингапуре. Поищи информацию о нем – нужно лучше понимать, с кем мы связываемся. Все, что пока мне известно, – Гаади необычайно влиятелен и сказочно богат. Не сказать, что он ведет публичный образ жизни и часто общается с журналистами, поэтому подобраться к нему довольно сложно.

Харон, быстро стрельнув глазами по сторонам, понижает тон.

– Теперь самое важное, Зет. «Транс-Реалити» готовит новый проект, по слухам – революционный. Никому за пределами корпорации неизвестно, о чем именно идет речь. Как ты понимаешь, многие крупные игроки на рынке хотели бы это узнать.

– Как такое возможно? – удивился я. – Огромная компания, глобальный проект, и ни одной утечки?

– Утечки, конечно, были. Но они слишком смахивают на дезинформацию, чтобы им верить. И тут мы подбираемся к сути нашей встречи. До меня дошли слухи, что корпорация нуждается в пиар-специалисте. Это наш шанс, Зет, и ты не должен его упустить.

– Тебе не о чем беспокоиться, босс, – успокаиваю его. – Ты же знаешь: я прирожденный пиарщик.

Вслед за этим мы обсудили финансовые условия, и они оказались более чем привлекательными. Скажем так, предложенная Хароном сумма в несколько раз превосходила все мои предыдущие гонорары. Но вместо того чтобы ликовать, я скорчил недовольную мину.

– Что, дело настолько рискованное?

– В этот раз тебе нужно быть особенно осторожным, – задумчиво отвечает он. – Твоя привычка ходить по краю может тебя однажды подвести.

Ходить по краю не проблема, если не боишься падения с высоты, подумал я, вспомнив ночной эпизод с машиной. Однако тут стоит прислушаться. Если уж сам Харон советует мне поберечь себя, то нет сомнений – он отправляет меня в самое пекло.

– Сколько я должен там проработать? – уточняю я.

– Месяца два-три как минимум. Думаю, этого времени тебе хватит, чтобы все разузнать.

– А если они выпустят продукт раньше?

– Вряд ли это произойдет раньше, чем через полгода.

– Когда собеседование?

– В пятницу. Твое резюме им уже переслали.

– Может, стоило дождаться, пока я дам согласие?

Хмыкнув в ответ, он протягивает мне «мое» резюме, я бегло его просматриваю. Послужной список настолько же впечатляющий, как и перечень достоинств соискателя на должность.

– Я уже отправил это в отдел кадров, тебя ждут.

– «Предыдущие работодатели» это подтвердят? – уточняю я, вернув ему листок, который он машинально рвет на мелкие кусочки.

– Конечно. Мы все предусмотрели, не переживай.

Всегда, когда Харон говорит «мы», он явно имеет в виду не себя и меня, а кого-то еще. Зная его много лет, я многое бы отдал, чтобы узнать, кто именно скрывается за этим «мы».

– Послушай, Зет, отнесись к этому заданию со всей серьезностью. У нас нет запасных вариантов. Если ты провалишь этот проект, мы потеряем большого клиента. Не хочу пугать тебя, но в этом случае наше с тобой сотрудничество тоже может прекратиться.

– Справлюсь, – небрежно бросаю я, отметив про себя, что таких условий старик мне еще не ставил.

– Действуй незаметно. В этой корпорации все прослушивается и просматривается, и ничего не делается просто так. Было бы неплохо, если бы к нашей следующей встрече ты собрал как можно больше информации.

Кивнув мне на прощание, мой работодатель встает со скамьи, чтобы исчезнуть в вагоне подошедшего поезда. Парень с дредами, которого я заметил перед встречей, заходит в вагон вслед за ним. Хлопнув дверьми, поезд уносится в жерло тоннеля, и я остаюсь один на пустынной станции, озаренной холодным хирургическим светом.

Прокручивая в голове план действий, подхожу к противоположной платформе, куда уже прибывает мой поезд. Стекланные стены, которые раньше отделяли пути от зала ожидания, убрали еще во время повальной либерализации. Вместе с ними исчезли и водители поездов, замененные автоматикой. Полная

криптоанархия! Полная свобода! Как всегда, я стою слишком близко к краю, и поезд проносится в нескольких миллиметрах от кончика моего носа. Мне удастся ощутить не только воздушную волну, но и запах уставшего грязного металла. До чего же это страшно – не обладать страхом смерти...

0003

Тут, наверно, следует рассказать, как Харон появился в моей жизни и почему сотрудничество с ним так важно для меня. Мы познакомились двадцать четыре года назад, когда мне было всего восемь. Все, что я помню до этого, – унылый католический приют для брошенных младенцев при церкви Святого Иосифа. Не знаю, почему я оказался именно в нем – видимо, моя биологическая мать была католичкой. Или просто решила, что для младенца полуевропейской внешности это самое подходящее место. А еще я отчетливо помню мои постоянные мечты из него сбежать.

Однажды у меня это получилось, и работники приюта нашли меня только с помощью полиции в ботаническом саду. По словам Харона, который был одним из полицейских, вид у меня был чуть ли не просветленный, так я наслаждался неведомым мне ранее миром за стенами своей «детской тюрьмы». Он вспоминал восьмилетнего мальчика, сидящего у пруда в состоянии странного оцепенения. Меня забрали, накормили, обогрели и вернули к строгим монахиням.

С тех пор мои попытки сбежать повторялись чуть ли не каждый месяц, пока приют не махнул на меня рукой. Я стал жить на улицах района Гейланг, пробавляясь мелким воровством и случайными подработками. Там я нахватался, кроме английского, и остальных языков космополитичного города: малайский, путунхуа, тамильский, начал понимать даже несколько более редких наречий. А Харон, который к тому времени уже работал в управлении полиции района (а потом и возглавил его), взял меня под свою опеку. Сначала отмазывал от неприятностей, потом стал давать собственные поручения, не всегда легальные.

Я был счастлив – постоянно меняющийся суетливый мир улиц придавал мне движение, которого так не хватало в приюте. Я работал у Харона курьером, иногда вел для него слежку. Несколько раз он внедрял меня разносчиком или подмастерьем в местные бизнесы, в которых был так или иначе заинтересован. Миловидный, покладистый на вид подросток не вызывал подозрений у самых проницательных нанимателей. Поэтому у меня получалось выполнять задания, с которыми бы никакой взрослый не справился. Харон очень ценил меня за это и выделял среди остальных малолетних воришек и попрошаек, которых у него была собрана целая банда.

По словам Харона, тогда он и открыл во мне способность перевоплощаться и сливаться с окружением, в то же время сохраняя способность отстраненно наблюдать и собирать информацию. Я был идеальным посредником между преступным миром Сингапура, мастерски скрытым от сотен уличных видеокамер, и его цивилизованным фасадом.

Однажды я потерял осторожность и был пойман владельцем судоходной компании, когда фотографировал содержимое его сейфа. Я чудом избежал участи быть подвешенным на крюк и выпотрошенным и две недели прятался на явочной квартире у Харона. Тогда я и не знал, что за мою голову была назначена крупная сумма и по всему городу рыскали «охотники», желающие заработать на поимке малолетнего шпиона.

Харон тем временем разработал план, как понадежнее спрятать меня от мести судовладельца. Вскоре мне было устроено свидание с приемными родителями – американцами. Те сразу влюбились в «милашку-сироту, у которого пропали родители», как описал меня Харон. Много позже я видел свое фото в деле об усыновлении: скромно одетый мальчик, с темно-русыми кудрявыми волосами, белой кожей, четко очерченными губами и скулами, прямым носиком и чуть восточным разрезом глаз. Милашка, даже красавчик.

Так я обрел приемных отца и мать, а через несколько дней покинул город на много лет, переехав с ними в США, где провел юность. Жил обычной жизнью миллионов молодых американцев, получил образование. Однако я всегда знал, что когда-нибудь все равно вернусь в город моего детства. Как, собственно, и распорядилась судьба.

До сих пор не могу понять, случайно ли мы встретились с Хароном снова. Это произошло пять лет назад, после моего возвращения в Сингапур. К этому времени я уже был владельцем разорившегося рекламного агентства и продюсером нескольких медийных проектов, столь же амбициозных, сколь и неуспешных. Денег, которые я наскребал с этой деятельности, едва хватало на то, чтобы по частям выплачивать накопившиеся долги. А местом жительства мне служила съемная квартирка размером с кузов грузовика. И без того неидеальную картинку дополнял лес заводских труб за окном, от одного вида которых першило в горле.

В то время я чувствовал себя абсолютно несчастным. Меня тяготила мысль, что если я ничего в своей жизни не поменяю, то мне придется вернуться назад в Америку. При этом я понимал, что это было бы лишь бегство от реальности в подобие католического приюта моего детства. В скучную, пресную тюрягу.

Отправив свои иллюзии вместе с амбициями на помойку, я принялся искать интересную работу. Приставал ко всем своим друзьям и знакомым, спамил в соцсетях и ошивался на профильных тусовках среди рекламистов, журналистов и телевизионщиков. Город сильно изменился к этому времени. Во времена моего детства всем прибывающим туристам уже в самолете сообщали, что за наркотики здесь грозит смертная казнь. Теперь же в тусовке царило настоящее веселье: одни нюхали, вторые напивались до беспамятства, третьи – и то и другое. И мне приходилось соответствовать, чтобы влиться в это общество. То, что я сам каким-то образом не сторчался в этот период своей жизни, уже само по себе было достижением.

На одной из таких вечеринок я и встретил Харона, у стойки бара, на церемонии награждения деятелей рекламы, куда я проник по поддельному бейджу. Я едва его узнал. Подтянутый коренастый коп с тяжелым взглядом остался в прошлом. Теперь антураж обязывал Харона косить под божьего алкоголика: мятый смокинг, шейный платок, очки с дымчатыми стеклами, массивный перстень на пальце и седая борода, над которой нависала потухшая сигара. Я был так рад его видеть, что чуть не набросился с объятиями.

За эти несколько лет в Сингапуре я пытался с ним связаться, но не мог найти и следа. А тут – попивает виски со льдом, как ни в чем не бывало. Но Харон

остановил меня строгим взглядом, как только он умел. Будто мы расстались на прошлой неделе, буднично спросил, где я работаю. Я признался, что нахожусь в поиске.

– Моя знакомая ищет ассистента, – сообщил он и протянул свою визитку. – Набери меня завтра, я устрою встречу.

Все произошло так естественно, что я, кажется, даже не удосужился его поблагодарить. Потом оказалось, что речь шла не о его знакомой, а о знакомой его знакомой. И в результате я получил работу – необременительную и хорошо оплачиваемую.

Проработав три месяца ассистентом хозяйки рекламного агентства, я успел завести кучу знакомств и арендовать студию в самом центре, неподалеку от офиса. И вот, как только мне показалось, что моя жизнь вылетела на скоростную трассу, на горизонте вновь появился Харон. Он попросил меня о «небольшом одолжении». Все, что от меня требовалось, – скопировать клиентскую базу с компьютера моей леди-босса, за что предлагался гонорар в размере трехгодичной зарплаты. Харон всегда называл вещи своими именами, избегая иносказаний. Правда, определение «промышленный шпионаж» он предпочитал заменять более обтекаемой формулировкой «наши проекты».

Недолго думая я согласился. Похоже, именно в подобных занятиях было мое призвание. Я выполнил задание Харона, позаботившись о том, чтобы возможное расследование пошло по ложному следу, и уволился из агентства. Пару месяцев попутешествовал по Латинской Америке – Аргентина, Бразилия, Перу. А когда вернулся, меня уже ждал очередной заказ от моего работодателя. Наше взаимодействие возобновилось, как в старые добрые времена. За несколько лет я успел поработать в двух медиахолдингах, на киностудии, в одном информационном агентстве и в трех рекламных – не считая мелких проектов, которые не требовали внедрения в компании.

Вхождение в доверие, воровство данных, сбор компромата, запись конфиденциальных переговоров и прочее в том же духе. Липовые резюме, поддельные рекомендации, тщательно сфабрикованные «легенды», продуманные пути к отступлению. Приходилось ли мне задумываться о том, что будет, если однажды все вскроется? В лучшем случае это грозило серьезными судебными исками, в худшем – полетом с двадцать четвертого этажа.

Со временем я перестал задумываться о последствиях. Денег определенно было больше, чем я заслуживал, но не они помогли мне отбросить сомнения. Помогло нечто другое. С каждым разом задания становились все сложнее. А увлечение, которое я испытывал, погружаясь в новый мир и полностью перевоплощаясь, становилось все интенсивнее. Я любил свою работу. Теперь я любил и свою безликость, которая помогала мне становиться то одним человеком, то другим, и даже старательно ее поддерживал. Я обнаружил, что нет ничего невозможного, когда имеешь дело с людьми, которых умеешь соблазнить, подчинить и в результате использовать. Для всего этого я был как будто создан.

О теперешней жизни Харона мне известно не так уж много. Но дело не в отсутствии любопытства, а в том, что старик, как и прежде, не заинтересован в огласке личной информации. Ему должно быть сейчас около шестидесяти, но с точностью возраст определить сложно, так как его азиатское лицо находится вне времени. Насколько я знал, после работы в полиции Сингапура он занимал высокий пост в крупной охранной фирме. Десять лет назад, после серьезного скандала, отягощенного гибелью клиента, был вынужден уйти на вольные хлеба. И сейчас в его портфолио, помимо коммерческого шпионажа, остались финансовые махинации и фармацевтическая контрабанда.

В Новом Сингапуре ты можешь больше не заботиться о былой репутации – она стирается вместе с ежегодной сменой ID-карты. Если не нарушаешь местных, и так достаточно либеральных законов, то можешь ни о чем не беспокоиться. Преступления, совершаемые в других государствах, администрацию не волнуют: все, что было не в Сингапуре, остается вне Сингапура. Глобальный торговый центр. Один из крупнейших в мире портов. Особая экономическая зона. Адекватное налогообложение. Экстрадиция не действует. Когда ты становишься жителем города, твоя финансовая и любая другая история обнуляется с получением ID, в котором ты можешь указать любое имя, а можешь не указывать вовсе – хватит и номера, который проставлен на карточке.

Вот почему этот город привлекает игроков, аферистов, беглых бухгалтеров и оскандалившихся финансовых воротил со всего мира. Здесь они находят то, о чем в других городах мира мечтать не приходится: неприкосновенность, анонимность, финансовую безопасность. Что касается Харона, то ему и переезжать никуда не пришлось, ведь он родился в Сингапуре. Как и я, полагаю.

Разузнать что-либо о своем появлении на свет я не смог. Католический приют исчез, и никаких концов я не нашел, да и не слишком пытался. Где именно я родился – я мог только догадываться, для удобства решив, что это был Сингапур. Как раз к моменту моих неприятностей в Гейланге мои приемные родители едва оправились от потери собственного ребенка и с радостью ухватились за предложение Харона усыновить миловидного подростка. Тем более что после десяти лет в Юго-Восточной Азии они как раз собирались возвращаться в США. Уже предчувствовались глобальные трансформации: криптовалютный мыльный пузырь готов был лопнуть в любой момент и изменить экономику всех государств, Сингапура – особенно. Вскоре так и произошло: триллионы долларов были потеряны, миллионы людей лишились своих сбережений и инвестиций. Сингапур, который еще недавно нарекали городом-утопией, мечтой, государством будущего, катился по наклонной – начало периода криптоанархии.

Помнится, я мгновенно вошел в роль примерного сына. Я принял их фамилию и даже имя, Золтан, забыв свое приютское навсегда. Отец был разработчиком игр, мать работала в благотворительном фонде. Происходили оба из Восточной Европы, венгр и украинка, ставшие американцами в юности. Обыденный мир моих приемных родителей, которых я сразу назначил «папой» и «мамой», без приставок (к их огромному счастью), был уютным, безопасным и скучноватым. Но сам факт переезда в неизведанную страну увлекал меня куда больше, чем побег от мести злопамятного судовладельца.

Затем были десять лет в Пасадене, где я сначала окончил школу, а потом обучался дизайну в сфере искусственного интеллекта – относительно новой профессии, на которой почему-то настаивал мой отец. Мне тогда было безразлично, чем заниматься. Хотя с учебой я не испытывал никаких трудностей, но и увлечения ею у меня не было.

А потом... Отмечая с друзьями получение диплома, я тусил по всем значным местам Тихуаны. Телефон прозвонил во время одной из таких пьянок обыденно, с неизвестного номера. Я даже чуть не сбросил звонок, не желая отвлекаться от петушиных боев. Но почему-то все же ответил. Официальный голос с бостонским акцентом сообщил мне об автокатастрофе и поинтересовался, когда я смогу прийти на опознание тел родителей, а также уладить другие формальности.

Помню свои ощущения. А точнее – их полное отсутствие. Люди, которые стали для меня семьей, дали мне новую жизнь и, сами не зная того, спасли от смерти, – лежали в холодильнике полицейского морга в Пасадене. А я лишь подумал: теперь меня здесь ничто не держит. И тут же возненавидел себя за это бездушие. Так же спокойно я прошел все формальные процедуры и неожиданно узнал, что отцу еще со времен его работы главой IT-отдела в Сингапуре принадлежала там доля в небольшой маркетинговой компании. Сингапурский нотариус с безупречным английским настойчиво вызванивал меня (откуда они обо всем узнали?) и настаивал на моем приезде для вступления в наследство.

Пазл сложился. Я должен был вернуться в Сингапур и страстно желал этого. Меня не отпускали воспоминания о кипении жизни на его улицах, а главное, о моих собственных приключениях, волнующих так, как ничто в жизни меня больше не волновало. А теперь для этого еще и имелась весомая причина. Что-то говорило мне, что именно там меня ждет большое приключение, которое наконец даст мне ответы на все мои вопросы к себе и к миру, и я был к нему готов.

Кажется, это было так давно... А прошло всего лишь пять лет.

0006

Сегодня, пока еду на мое собеседование в «Транс-Реалити», снова задаю себе вопрос, почему меня так притягивает этот город. Ведь я терпеть не могу его, а точнее, то, во что он превратился. Куда пропал хваленый фэн-шуй, по принципам которого он был спроектирован и возведен? Тысячи рекламных вывесок на всех языках мира. Безжизненный исторический центр, вскрытый лаком на потеху туристам. Бесконечные торговые улицы Малой Индии, Чайнатауна и Арабского квартала с кутерьмой магазинов, набитых безвкусным барахлом. Вездесущая промзона, разросшаяся настолько, что теперь окаймляет город удушливым кольцом, запуская ядовитые щупальца прямо в его сердце. Токсичные воды реки Каланг, в которых после наводнений гниют целые кварталы. И наконец, многочисленные сити, разбросанные по всему Сингапуру, – выдраенные до блеска помойки, где отмываются деньги всего мира: грязные капиталы сделали самый дорогой город в мире еще дороже. Стерильная клоака с небоскребами, наклепленными так плотно, что закрывают небо. И

педерастические клерки в тонких галстуках и с тонкими губами, непрерывно треплющиеся по мобильным телефонам, как будто кто-то может расслышать их в этом проклятом месте. Ненавижу этот город и одновременно привязан к нему, будто врос корнями.

Как только оказываюсь в нужном мне Сити #12, бывшем деловом районе Раффлз-плейс, меня начинает тошнить. Не в фигуральном смысле, а в прямом – я блюю под колеса своего автомобиля, припаркованного возле знака «парковка запрещена». То ли нервы, то ли просроченный утренний йогурт, то ли физическое отторжение этого места, то ли все вместе. Парочка белорубашечников отскакивает в сторону, брезгливо наморщив носы, но мне нет до них дела. Вытерев губы салфеткой, забрасываю в рот полпачки жвачки (смешно вспомнить – было время, когда и за это в Сингапуре можно было схлопотать огромный штраф). Смотрю на свое отражение в тонированном стекле – не заблевал ли белоснежную рубашку. Нет, все отлично.

Я захожу в самый высокий офисный небоскреб города, все этажи которого, судя по всему, теперь заняла одна компания – «Транс-Реалити». Да, мне назначено. Хорошо, подожду. А можно я налью воды из кулера? Спасибо. Да, да, прекрасный сегодня денек. Ожидая, пока за мной спустятся, чтобы препроводить на интервью, разглядываю просторный холл «Транс-Реалити Тауэр». Главный объект здесь – возвышающаяся на мраморном постаменте огромная скульптура работы Джеффа Кунса: золотой телец с головой Микки Мауса, к которой вместо округлых ушей приделаны изогнутые рога. Голова этого чудища обращена ко входу в здание. Сидя на диване возле лифтов, я могу любоваться своим деформированным отражением в его отполированных яйцах.

Удобные диваны цвета венозной крови, способные вместить до сотни посетителей, пришедших сюда, чтобы получить работу своей мечты, продать душу, попытаться втюхать свой стартап или зачем еще приходят в подобные

учреждения. И наконец, изогнутая подковой рецепция, за которой маячат четверо непроницаемо равнодушных охранников, настолько отмороженных, что их, кажется, ничем не проймешь. Даже если бы я на их глазах превратился в огромного омара и начал танцевать кадрили, думаю, последовал бы примерно такой диалог.

– Господин Золтан, пожалуйста, вернитесь на диван – вы блокируете подход к лифту.

– Я не могу сидеть на диване – поскольку я стал омаром, мне нужно немедленно станцевать морскую кадрили.

– Вы можете сделать это на улице или в комнате для религиозных обрядов – она расположена прямо под лестницей. А потом возвращайтесь сюда – за вами уже спускаются.

– Вы жестокосердные люди! Вы притесняете меня, поскольку я не похож на вас!

– Ни о каком притеснении речь не идет, уверяю вас. Просто вы мешаете нашим сотрудникам. Поймите правильно.

Как только я заканчиваю рисовать в блокноте химеру Кунса, за мной приходит миловидная афроазиатка в деловом брючном костюме. Вместе с ней поднимаемся на двенадцатый этаж, проходим по длинному безлюдному коридору с множеством дверей и оказываемся в небольшом зале для встреч, рассчитанном на две дюжины посетителей. Длинный стол из светлого дерева в центре, две линии офисных стульев, одна из стен – стекло, за которым маячит город, на другой стене – граффити, судя по манере, выполненное Бэнкси. Моя проводница, предложив мне занять один из стульев, исчезает, и я остаюсь один на один с собой.

В черно-белом изображении на стене я узнаю парафраз гравюры Дюрера «Четыре всадника Апокалипсиса», репродукция которой украшала гостиную в родительском доме. Только вместо привычных всадников автор усадил на коней богов разных религий. Слева на переднем плане – толстый улыбающийся Будда, тощая лошадка под которым едва не впечатывается в землю. За ним – богиня правосудия, которую легко узнать по развевающейся тоге, завязанным глазам и весам в руке. Рядом индуистский Шива – многорукий, с лукавой улыбкой,

восседает в седле в позе лотоса. Чтобы идентифицировать последнюю фигуру, мне пришлось прибегнуть к программе распознавания образов. Выяснилось, что это скандинавский бог Один. Этот – одноглаз, вооружен мечом и восседает на восьминогом коне. Пробежавшись взглядом по дивному пантеону, спрашиваю себя о том, что заставило художника собрать вместе эту команду, и не нахожу ответа. Впрочем, мне сейчас не до теологии.

Проходит несколько минут, и в зал заходит лощеный клерк лет двадцати пяти. На нем пижонский костюм темно-синего цвета, полосатая рубаша без галстука и дорогие очки, под мышкой – планшет. По каким-то неуловимым признакам я угадываю в нем гея.

– Здравствуйте, Золтан! – произносит он, протягивая мне свою холеную руку. – Я Марк, ассистент креативного директора «Транс-Реалити».

Он кладет на стол свою визитку (ого, ими еще кто-то пользуется!). В толстый картон вмонтирован миниатюрный монитор, на котором при касании пальца прокручивается короткий ролик: анимированный логотип корпорации, лучезарная буква «Т», сменяется реквизитами владельца карточки.

– Золтан... Необычное имя. Откуда вы?

– Родился здесь, в Сингапуре, – сообщаю я. – А что касается имени, то оно венгерского происхождения. Образовано от слова «султан».

– А я думал, от слова «золото». Вы – венгр?

– Отец венгр, а мать украинка, – предпочитаю сильно не распространяться про свое прошлое. Если им действительно нужно – сами узнают.

– У нас тут интернациональная команда, – заверяет он. – Я, к примеру, вырос в Германии, а мой босс, Паоло Рамбан, – итальянский еврей.

Подобное начало беседы должно заставить меня расслабиться – вероятно, именно на это рассчитывал мой собеседник. Внешне я, должно быть, действительно выгляжу спокойным, но на самом деле сконцентрирован до предела. Слушая его болтовню, аккуратно считываю информацию: хроническая

усталость, отмеченная на лице Марка, и нервный тик, который он пытается спрятать за преувеличенной мимикой, увеличенные зрачки и слишком дорогие часы на его правой руке (почему на правой, он ведь, судя по всему, не левша?). Чтобы не спалиться, перевожу взгляд на граффити, что украшает стену митинг-рума.

– Вам нравится эта работа? – спрашивает клерк, заметив мой взгляд.

Киваю в ответ.

– Бэнкси?

– Он, кто же еще! Всех богов опознали?

– Это было несложно.

– Чудненько, – улыбается Марк. – Интересуетесь историей религий?

– Всем понемногу, – уклончиво отвечаю я.

Интересно, мы когда-нибудь поговорим о делах или будем болтать о том о сем, пока не закончится время, отведенное на интервью?

– Предлагаю обсудить то, ради чего мы вас сюда позвали. – Он будто прочитал мои мысли. – У вас впечатляющий послужной список... Чем именно вы занимались на последнем месте работы?

Я пересказываю расширенную версию своего вымышленного резюме, адаптированного под нужды «Транс-Реалити». Марк, покачивая головой в такт моим словам, время от времени подкидывает дежурные вопросы, даже не пытаясь делать вид, что ему интересно то, о чем я говорю. Мой собеседник подчеркнуто корректен, но при этом слегка высокомерен. Должно быть, он ощущает себя частью глобального процесса, меняющего мир, тогда как я для

него – просто очередной претендент на то, чтобы зваться его коллегой. Как быстро стерлась бы заносчивая маска с его физиономии, если бы он узнал, кто я на самом деле? Мой рассказ подходит к концу, я жду очередного вопроса, но он не поступает.

– Ну что, перейдем к тестовому заданию?

Он достает из кармана пиджака желтый конверт и кладет его на стол передо мной.

– На выполнение задания у вас есть ровно час, – сообщает он мне. – Желаю удачи, Золтан!

Он едва заметно подмигивает мне и покидает зал. Мне ничего не остается, кроме как открыть конверт.

0007

Если бы в конверте оказался чистый лист бумаги, я бы, пожалуй, не удивился. Но все оказывается еще интереснее – конверт пуст. С помощью авторучки аккуратно расклеиваю его по швам – должна же быть хоть какая-нибудь подсказка. Но нет, ничего – ни водяных знаков, ни названия фирмы-производителя, никаких отметок. Думай, Зет, думай. Чего эти типы хотят от тебя, кроме как загнать в угол? Распотрошенный конверт лежит передо мной, и я тупо взираю то на него, то на ухмыляющихся со стены богов. Целый час – этого времени слишком много, чтобы успеть почувствовать себя идиотом. И слишком мало, чтобы найти ответ на незаданный вопрос.

Внимательно осматриваю конверт на просвет, затем несколько секунд держу его над пламенем зажигалки, но тайные письма не проявляются. Обнюхиваю его, но он не пахнет ничем необычным. Отщипнув кусочек бумаги, пробую его на вкус и тоже не замечаю ничего особенного. Я что-то упускаю из виду... Но что именно? Пробую размышлять логически.

Что такое конверт? Прежде всего это форма. Затем – функция. Кроме того, это материал, из которого он изготовлен. Так, тут повнимательнее. Что мы имеем? Лист желтоватой бумаги, особым образом скрепленный с помощью клея... Прикоснувшись кончиком языка к липкой полоске, я ощущаю прелюдию эффекта, который ни с чем не спутать. Меня передергивает, словно от разряда тока – это кислота. Вот оно, тестовое задание, три этапа в одном. Догадается ли тестируемый, где искать подсказку? Готов ли он закинуться наркотой, чтобы пройти испытание? И наконец, как он себя поведет, если все-таки отважится? Есть лишь один способ ответить на все три вопроса сразу – я слизываю кислоту с конверта. До завершения отведенного времени осталось пятьдесят минут.

Поначалу ничего не происходит. Проходит пять минут, еще пять, а спустя примерно двадцать минут после приема подсказки кислотная волна накатывает на мозг откуда-то снизу, из желудка, и помещение меняет свои очертания, сглаживаются углы, едва заметная волна пробегает по древесной глади стола, лица богов на стене оживают – становится заметно, как сложно им притворяться лишь фрагментами граффити. Надеюсь, мои экзаменаторы точно рассчитали дозу. И все-таки в чем заключается тестовое задание – ведь не только в том, чтобы закинуться на собеседовании? Наблюдают ли за мной в этот момент? Уверен, что да – я ощущаю чей-то холодный взгляд на себе.

– Золтан, соберись! – вдруг произносит Будда. – Ты ищешь ответ, но сначала нужно найти вопрос.

– Может быть, вы мне поможете? – прошу я, стараясь выдержать тон уважительный, но не подобострастный. – В конверте ведь не было никакого вопроса...

– Никто и не говорил, что вопрос в конверте. Это было бы слишком просто.

– Значит, вопрос в этой комнате? На этом этаже? В этом здании?

– Не знаю, – разводит он руками. – Но мне кажется, ты мыслишь поверхностно.

– Может, вопрос заключается во мне?

Будда не отвечает, но по выражению его лица мне становится ясно: я на верном пути. Итак, что же это за вопрос, который я мог бы задать себе, чтобы на него

ответить?

– Взвесь все хорошенько, – вступает в беседу Юстиция, помахивая у меня перед носом своими весами. – Если не выполнишь задание, второго шанса не будет.

– Парнишка-то не слишком смышлен, – вздыхает над ухом Шива.

Сборище богов мешает мне сосредоточиться. Если не завладею инициативой, они заболтают меня до того, что я перепутаю верх и низ, грешное и праведное, семя и плевы... Нет, не плевы, а как-то по-другому... Плевелы? Твою мать!

– Эй, ты что, заснул? – подает голос одноглазый Один, толкая меня в плечо.

– Так, минуточку! – Меня все это уже достало. – Я, конечно, понимаю, что все вы мегакрутые и так далее. Но неужели так сложно помочь мне пройти этот долбанный тест?

Боги замолкают – похоже, мне удалось их пристыдить.

– Ладно, что там у тебя? – снисходит Юстиция.

– Пустой конверт вместо вопроса и час на поиски ответа, – отвечаю я, а затем, взглянув на часы, уточняю: – Нет, пятнадцать минут.

– Ок, я тебе помогу, – говорит она. – Ты ищешь вопрос в себе самом, но в тебе не заложены вопросы. Ты – стеклянная колба, запаянная сверху и лишенная дна. Осознав собственную пустоту, ты начинаешь искать вопросы в окружающем тебя мире. Но мир – не вопрос и не ответ. Он существует не потому, что кто-то о чем-то спрашивает, и не потому, что кто-то отвечает, скорее наоборот. И вот, отчаявшись, ты обращаешь свой взор к богам. Но боги тоже не задают вопросов – они лишь повелевают и требуют исполнения своей воли.

– Это все? – спрашиваю я, выждав некоторое время. – И как мне это поможет?

– Ты получил бы ответ, если б задал вопрос.

– Но ведь я спросил...

– Ты ничего не спросил, – произносит Один.

– Вопрос не прозвучал, – поддакивает ему Шива, сложив все четыре руки на груди.

– Хорошо, я спрошу! – бросив взгляд на часы, понимаю, что до конца отведенного мне часа осталось лишь десять минут. – Вопрос такой: что я должен сделать, чтобы пройти этот тест?

– Так-то лучше! – усмехается Будда. – Но кто сказал, что ты должен что-то сделать?

Боги снова хохочут. Я замечаю, что они теряют ко мне интерес – Юстиция занимается своей пышной прической, Будда готовится предаться медитации, а Шива с Одином болтают о чем-то своем.

– Ладно, могу рассказать тебе, как достигнуть просветления, – сжалился наконец Будда, приоткрыв глаза.

– Буду очень признателен, – лепечу я, чувствуя, как мой кислотный язык превращается в наждак.

– К просветлению ведут пять шагов, – доносится до меня голос Будды. – Ты должен пройти их один за другим, именно в таком порядке – иначе ничего не выйдет.

Первый шаг: наплевать на то, что о тебе говорят.

Второй шаг: наплевать на то, что о тебе думают.

Третий шаг: ты должен осознать, что всем на все наплевать.

Шаг четвертый: тебе наплевать на то, что всем наплевать.

И наконец, пятый шаг: тебе наплевать на просветление.

Будда замолкает, и боги перестают обращать на меня внимание. Допустим, его слова – это и был совет. Недеяние – неизменность – непривязанность – на все наплевать. Ок, да будет так!

Найденным на подоконнике черным маркером я рисую на столе лотос с тринадцатью лепестками и, скрестив ноги, сажусь в середину цветка. Закрыв глаза, ставлю маркером точку чуть выше переносицы и пытаюсь вообразить мир, в котором нет желаний и привязанностей,

чувств и бесчувственности,

радостей и разочарований,

богов и демонов,

веры и неверия,

границ и безграничности,

мыслей и бездумности,

правды и лжи,

гармонии и хаоса,

верха и низа,

светлого и темного,

подлинного и поддельного,

правдивого и ложного,

доброго и злого,

чистого и грязного,
веселого и грустного,
яркого и тусклого,
реального и иллюзорного,
семян и плевел,
апостолов и предателей,
любовников
и изменников,
нас и их,
тебя и меня...

И когда мне это удастся, в комнату входит Марк.

– Поздравляю, тест пройден, – произносит он обыденным тоном, и я с трудом открываю глаза. – В три часа в понедельник вам предстоит встреча с моим боссом Паоло Рамбаном – на ней все и решится. Золтан, с вами все ок?

0008

В зашифрованном чате сообщаю Харону, что первый этап пройден успешно и завтра меня ждет аудиенция у креативного директора «Транс-Реалити». Старик тут же начинает настаивать на встрече – сегодня. Поскольку меня еще штырит кислота, убеждаю его встретиться завтра утром. Наша встреча должна произойти не в метро, а на квартире. Харон пересылает мне адрес, по которому я должен прийти в десять утра на следующий день.

Отоспавшись и приведя себя в порядок, прибываю по нужному адресу. Приходится переться в самые настоящие трущобы, нанесенные на карту города серым прямоугольником, без деления на кварталы. Маятник истории снова

качнулся: город, еще в конце прошлого века избавившийся от лачуг бомжей и так гордившийся этим, снова оброс ими, словно лохмотьями. Узкие улочки тут разбегаются во все стороны как попало, то извиваясь между угрюмых домов-коробок, то прерываясь загаженными тупиками. Прямо на земле бедняки варят рис в котлах, разделявают свиные туши, купают своих детей в струях гидрантов, жгут благовония перед алтарями, сколоченными из обломков рекламных щитов, разгадывают кроссворды, развалившись в гамаках, переругиваются друг с другом и смотрят бесконечный сериал «Призрачная звезда», главную роль в котором исполняет актер-актриса, что раз в год меняет пол.

Благодаря навигатору нахожу нужный мне адрес и ныряю в заплеванный подъезд с запахом кошачьей мочи. Надписи на стенах, в которые лучше не вчитываться, сломанный лифт. Поначалу сомневаюсь, не перепутал ли дом. Но потом вспоминаю о любви Харона к конспирации, и выбор подобного места для явочной квартиры кажется мне закономерным. Вполне в его стиле – прятаться словно крыса на помойке. Наконец нахожу нужную дверь, исполосованную ножом в таком стиле, словно наркоману, пришедшему сюда, грубо отказали в дозе. Звонок, естественно, не работает. Стучу в дверь, отметив, что она изготовлена из прочного металла, возможно даже пуленепробиваемая. Спустя несколько мгновений лязгают замки, и Харон впускает меня внутрь.

– Заходи, Зет, я сейчас. – Он исчезает в темных недрах квартиры.

Расположившись в кресле неопределенного цвета, осматриваю «апартаменты». Потертые паркетины, неплотно примыкающие друг к другу, покосившаяся тумбочка, заваленная стопками журналов и газет, с фарфоровым конькобежцем на вершине. Полдюжины уродливых масок из папье-маше, припиленных к выцветшим фотообоям, изображают морские волны, накатывающие на берег мечты. Огромный кактус в кадке, долго и мучительно умирающий, но отчаянно цепляющийся за жизнь всеми своими колючками, присыпанными пылью. Хитро придумано. Даже если кто-то излишне любопытный и сумеет проникнуть в резиденцию Харона через бронированную дверь и зарешеченные окна, то, узрев обстановку запустения, увядания и тихого отчаяния, вдохнув аромат просроченных лекарств и несвежей одежды, он, брезгливо поморщившись, тут же ретируется.

Харон возвращается с кухни, неся в руках две чашки с кофе. Я взглядом спрашиваю: это можно пить или тоже для антуража?

– Не беспокойся! – ухмыляется старик. – Кофе-машина стоит дороже, чем эта халупа.

Делаю глоток из чашки с отбитой ручкой и соглашаюсь – действительно кофе отменный. Харон ерзает в своем кресле, ему явно не терпится, чтобы я начал свой рассказ.

– Ну, как собеседование? Выглядишь ты не очень. Тебя там что, пытали?

Выкладываю ему все про вчерашние испытания, про кислотный конверт, про картину со странной интерпретацией всадников Дюрера. И конечно, про симпозиум с участием богов и свою отчаянную медитацию в финале. Старик нетерпеливо кивает головой с таким видом, будто подобные истории ему приходится слышать каждый день. Однако при упоминании кислоты он вдруг проявляет интерес:

– Ты уверен, что это был психоделик?

– А что еще?

Харон достает телефон, чтобы быстро отправить кому-то сообщение, затем, с минуту подумав, произносит:

– Вообще это довольно странно – накачивать чем-то претендента на должность во время первого интервью. Тебя о чем-то спрашивали? Все помнишь отчетливо?

– Это было не интервью. Мы перекинулись парой фраз с ассистентом. А потом он всучил мне этот конверт и слинял.

– Мне не до конца ясно, что ты такого сделал, что они посчитали тест пройденным? Сел в позу лотоса? Обычно от претендентов на должность требуется нечто большее.

– Сам не понимаю. Я просто делал то, что сказал мне Будда. Ну, по крайней мере, так, как я его понял...

– Ты имеешь в виду Будду, нарисованного на стене?

– Для меня это был совершенно реальный Будда. Даже сейчас, когда кислота не действует, он кажется мне настоящим.

– Ладно. Главное, что ты успешно прошел тест. Далее тебе предстоит встреча с главой их креативного департамента Паоло Рамбаном. Второй человек в компании, после главы корпорации. Но, насколько я понял, он просто исполняет то, что ему поручает Саул Гаади – наша темная лошадка, о которой почти ничего не известно. Тебе удалось что-то про него найти?

Я делюсь немногочисленной информацией, которую сумел собрать. Еще вчера я закинул задание своему другу по имени Сумо, обширные связи которого, помимо прочего, охватывают инфодилеров и хакеров. Разумеется, я не стал сообщать ему, почему интересуюсь Саулом. А он, естественно, не стал задавать лишних вопросов.

Итак, основатель «Транс-Реалити» появился на свет пятьдесят шесть лет назад в Иране. Происходит из небогатой, но интеллигентной семьи: отец – банковский клерк, мать – школьная учительница. Одни источники сообщают, что Саул – перс, другие записывают его в курды, а третьи – в берберы. Как бы то ни было, мистера Гаади можно с уверенностью назвать гражданином мира, поскольку он много путешествует, владеет недвижимостью на разных континентах, а также свободно говорит на нескольких языках: английском, арабском, французском, фарси, малайском и иврите. Жена Саула, француженка, умерла от рака мозга девятнадцать лет назад, с тех пор он не женился, и о его личной жизни ничего не известно. Его двадцатипятилетняя дочь Катрин в корпорации появляется редко и на светских мероприятиях интервью обычно не дает. Так что, принимает ли она участие в делах «Транс-Реалити», выяснить пока не удалось.

Помимо «Транс-Реалити» и медийных бизнесов, Саулу Гаади принадлежат еще несколько компаний – довольно экзотических. В частности: горнолыжный курорт в Объединенных Арабских Эмиратах, ферма по разведению бабочек в Малайзии и французский юмористический журнал «Чаппи Клошар» (тот самый, редакцию которого периодически подрывают радикалы). Также были данные о каких-то исследовательских центрах, но про них ничего конкретного найти не удалось – информация оказалась тщательно засекреченной.

Судя по унылому выражению лица старика, я не сообщил ему ничего такого, чего бы тот не знал. Он никогда не был щедр на комплименты – даже если проявишь чудеса находчивости, вряд ли можешь рассчитывать на похвалу. Тогда я достаю свой главный козырь – небольшую справочку, которую Сумо достал с сервера ни много ни мало Интерпола.

– Теперь я расскажу кое-что, о чем по обычным каналам узнать не так просто, – говорю я, устраиваясь поудобнее. – Информация довольно противоречивая, но применимо к Гаади и его корпорации звучит очень интригующе. Тебе доводилось слышать о суфиях?

– Исламские мистики? При чем тут они?

– Сейчас объясню. Ключевая идея суфиев – создание совершенного человека через духовное развитие, аскетизм и возвышение над мирской суетой. Некоторые считают суфизм не столько религиозным течением, сколько философией или даже наукой. Среди его приверженцев были и религиозные фанатики, и люди почти что светские, поэт Омар Хайам, например. Суфийские ордена существуют и сегодня, хотя их члены являются мусульманами примерно в той же мере, что и я.

– Хочешь сказать, Гаади принадлежит к одному из таких тайных обществ?

– Утверждать это с уверенностью нельзя. Однако известно, что в юности, когда Гаади еще жил на Ближнем Востоке, он являлся членом братства «Сыны неба». Во главе философии этого ордена – идея воспитания совершенного человека через аскезу, глубинное понимание мира и алхимические знания.

Харон смотрит на меня с удивлением.

– Алхимия? Так, по-твоему, Гаади – один из тех чудаков, которые пытаются создать золото из дерьма? – озадаченно спрашивает Харон.

– Не так буквально. После падения Римской империи именно арабские, в том числе персидские, ученые стали главными хранителями античных трудов по алхимии. Центром этой философии стали идеи бессмертия. Для сегодняшних суфиев алхимия – это скорее система символов. Так вот, «Сыны неба»... Известно о них совсем немного. И большинство специалистов считают, что эта

организация распалась по меньшей мере двадцать лет назад. Однако интересно то, как сложилась судьба людей, состоявших в этом ордене. Президенты, министры, премьер-министры, главы корпораций – вот кем со временем стали почти все те ребята, о причастности которых к братству известно, – это огромная и влиятельная сеть. И не следует думать, будто туда принимали лишь детей эмиров и олигархов. Скорее наоборот: большинство тех, о ком идет речь, происходили из скромных семей – как и сам Саул Гаади. Мы не знаем, каким образом он стал одним из крупнейших медиамагнатов в мире. Но если где-то и есть ответ на этот вопрос, то скорее всего в братстве «Сыны неба».

Харон так разволновался, что встал и начал бродить по комнате. Вот теперь я был доволен его реакцией. Спасибо тебе, неведомый хакер моего друга Сумо!

– Орден может быть причастен и к новому проекту Саула, – предполагает Харон.

– Этого нельзя исключать.

– Интересно, интересно... – Он продолжает расхаживать, теребя свою бороду. – Вся эта информация про Саула Гаади кое-что проясняет. Во время встречи с креативным директором прошупай, есть ли у него что-то общее с этими «Сынами неба». Разумеется, не в лоб. И вообще, сразу сообщай мне все, что тебе покажется необычным. Похоже, там все серьезнее, чем я думал.

В это время ему звонят. Ответив на звонок, он выходит из комнаты. Слышу, как он возится с дверными замками. Старик возвращается в сопровождении молодой азиатки, национальность которой я не смог определить. Она была одета так, словно только что вернулась со слета байкеров. Ни слова не говоря, девушка бросает кожаную куртку на диван и достает из сумочки на поясе шприц и резиновые перчатки. Кажется, сейчас я узнаю истинную причину срочности этой встречи.

– Линн возьмет у тебя анализ крови. Нам нужно узнать, что в тебя ввели на собеседовании.

Я киваю, закатываю рукав, а Харон оставляет нас, чтобы сварить еще кофе. Пока моя кровь наполняет шприц, разглядываю «медсестру». Короткая стрижка, тонкие черты лица с аккуратным прямым носом и высокими скулами,

сосредоточенный взгляд, светлая кожа, острые груди, прорывающиеся сквозь белую майку.

Каким-то образом я понимаю, что скоро мы окажемся в одной постели. И она, похоже, это тоже знает.

0009

Откровение про мир без желаний и привязанностей, которое я пережил на собеседовании в «Транс-Реалити», не отпускало. Я плохо спал этой ночью – метался, будто в бреду, не в силах отличить обрывки сна от реальности. Проснулся совсем измотанным, и тут, очень кстати, вспомнил, что впереди – два выходных. И меня потянуло в Золтленд. Мое место силы звало меня.

У каждого человека есть место, где он чувствует себя максимально комфортно. Обычно это то место, где довелось испытать абсолютное, ничем не омраченное счастье. Как правило, мы оказываемся в таком месте всего несколько раз за всю свою жизнь, иначе оно потеряет силу. Мой Золтленд расположен в непальском поселке Нагаркот, куда меня почти случайно занесло несколько лет назад.

В то путешествие я отправился один, у меня был четкий план. В моем распоряжении – две недели. Дня три-четыре я потрачу на осмотр уже виденных, но слегка подзабытых достопримечательностей в долине Катманду: главные ступы, королевский дворец, а также окрестные города-районы с поэтическими названиями вроде «Бхактапур». Ну а после этого – прочь из заполненной смогом и людьми долины, в горы, а там будет видно. Из всех горных курортов, расположенных неподалеку от Катманду, я выбрал Нагаркот – благодаря его названию, похожему на звук, с которым горстка камушков скатывается по горе. Да, я не ошибся с решением: это стало сразу понятно, как только водитель заехал в поселок спустя три часа петляния по горным дорогам.

Поселок как поселок, не сказать чтобы сильно процветающий. Мимо бамбуковой будки кафе трое местных барышень в пурпурных одеяниях несли огромные вязанки хвороста. Но обедать и охотиться на колоритные кадры – потом, а сейчас нужно найти гостиницу. Я шел, куда несли меня ноги, и вскоре оказался возле отеля с нехитрым названием «Грин Хаус». Некогда зеленое двухэтажное

здание стояло ровно на краю горы. Я зашел внутрь, и мне показали номер на верхнем этаже. Комната была аскетичной, но и стоила смешных денег. Однако, когда непальский паренек, который привел меня сюда, отдернул занавеску, я замер, увидев огромные окна во всю стену и еще одну дверь, ведущую на террасу.

В этот момент мне стало ясно, что остаток отведенных на путешествие дней я проведу именно здесь, наслаждаясь видом с террасы. Я мог поклясться чем угодно, что мне никогда не надоеет любоваться этими зелеными долинами и великими горами, источающими спокойствие и смирение. Над головой, нет, на уровне лица текли медлительные облака. Чуть выше парили орлы, передавая друг другу вахту едва заметным касанием крыльев. В чистейшем воздухе царил аромат цветов и трав. Кофе с молоком, чай с лаймом, а также другие заказы из меню мне приносили сюда, на террасу. Доступа к сети не было, и слава богу.

Неудивительно, что именно там я начал рисовать, перенося на рисовую бумагу все, что попадалось мне на глаза: зеленые холмы со ступенчатыми грядками, заросли бамбука, Гималайский хребет, поблескивающий снегами Эверест, напоминающий вырубленных из камня многоруких богов с птичьими головами, ступы, похожие на воткнутые в землю колокольчики. И так все десять дней... И ни об одной минуте, проведенной там, на террасе, я не жалею.

С тех пор я бывал в Нагаркоте еще два раза, каждый раз теряя счет времени. В последний из визитов привез с собой мощную веб-камеру, которую попросил установить на террасе «Грин Хауса», где к тому времени уже появилась сеть. Теперь я имел возможность любоваться панорамой Золтленда в любой момент, когда мне этого захочется.

Вот и сейчас, дочитав книгу про алхимиков и приступив к только что скачанной книге про суфиев, краем глаза я поглядываю на монитор с прямой трансляцией из Нагаркота. Во время прошлогоднего землетрясения камера немного сдвинулась в сторону, но «Грин Хаус» не пострадал. У меня тут позднее утро, а в Непале солнце только взошло. У меня омлет на завтрак, а у жителей Нагаркота – пельмени момо. У меня алхимики и суфии в парчовых кафтанах, а у них

бритоголовые монахи в бордовых рясах. Чем дольше я вчитываюсь в суфийские притчи, тем яснее становится, что разница между суфизмом и буддизмом почти незаметна. И суфии, и буддисты стремятся к освобождению от суеты. И те и другие отвергают логику в пользу мистического познания. И те и другие говорят причудливым языком метафор и иносказаний.

Одна из притч особенно запала мне в душу. В понедельник утром, когда я отправляюсь в «Транс-Реалити» на такси, переслушиваю эту историю несколько раз. В притче рассказывалось о речке, которая на своем пути повстречала пустыню. Река попыталась пересечь ее, но почувствовала, что ее вода увязает в песке, и если она будет двигаться дальше, то иссякнет. Мудрец посоветовал реке пересечь барханы вместе с ветром, который подхватит воду, перенесет ее на своих крыльях, а затем позволит ей вновь упасть на землю. Поначалу река не поверила в то, что это возможно, и, отказавшись, произнесла: «Но ведь тогда я перестану быть собой». Мудрец ответил ей: «Если ты не доверишься ветру, то превратишься в зловонную лужу. Ты не останешься прежней в любом случае – доверившись ветру или не доверившись ему». Тогда река с помощью ветра поднялась в воздух, преодолела пустыню, выпала дождем и снова стала рекой – так она познала свою истинную сущность. Если эта притча не рассказывает о трансформации материи в дух и обратно, а ведь именно эту мысль пытались донести суфии и алхимики, то я ничего не понимаю.

Что же такое ветер в этом случае – так и остается для меня загадкой.

0010

Когда я подхожу к небоскребу «Транс-Реалити», приходит сообщение от Харона.

«Это не ЛСД. Пытаемся установить, что именно. Будь осторожен с тем, что кладешь себе в рот. Напиши после встречи».

«Долбанные алхимики», – произношу я про себя и захожу в здание.

Возле рецепции меня уже поджидает мой вчерашний знакомый Марк. Вместе мы поднимаемся на двадцать пятый этаж. Двери лифта открываются, и мы выходим

на украшенный волнистым узором ковер, устилающий просторный зал. Приглядевшись к узору, я замечаю, что это не просто волнистые линии, а изображения глаз, соединяющиеся друг с другом.

– Тебе туда, – указывает он на непримечательную дверь из светлого дерева в глубине зала. – Когда закончите, я буду ждать здесь.

Не успеваю я ответить, как Марк исчезает в кабине лифта, и я остаюсь в одиночестве. Ни секретарей, ни охраны, ни других сотрудников. Судя по тишине, окружающей меня, на этаже вряд ли находится много народа, спрятавшегося за дверями кабинетов. Возможно, мы здесь лишь вдвоем – Паоло Рамбан и я. Ступая по «глазастому» ковру, я направляюсь к его кабинету и, постучав, толкаю дверь.

Кабинет Рамбана пуст. Не только в том смысле, что хозяина нет на месте: здесь почти нет мебели. Окно во всю стену, за которым над забором из небоскребов пролетает троица самолетов, устремившихся в разные стороны. Стены и потолок выкрашены в светло-бежевый, на полу – все тот же психоделический ковер. В центре просторного кабинета – прямоугольный стол из бежевого пластика, на столе нет ни компьютера, ни стопки бумаги – ничего. У стола друг напротив друга – пара кресел, обитых кожей и обрамленных металлом. На одном из них я замечаю листок бумаги. Немного помедлив, беру его в руки и читаю: «Дорогой Золтан! Я буду в скором времени. Если захотите чего-нибудь выпить, бар находится за панелью с логотипом корпорации. Ваш Паоло».

Я нахожу нужную панель на стене, но вовремя вспоминаю о рекомендации соблюдать осторожность. Бар между тем довольно разнообразен, но работа есть работа: от выпивки лучше воздержаться. Я раздосадованно опускаюсь в кресло и прячу записку в карман. Возможно, Харон захочет провести графологическую экспертизу почерка Рамбана.

Вся информация, которую я успел нарыть о Паоло Рамбане, относилась к периоду, предшествующему его работе в корпорации. В прошлом известный модельер, десять лет назад он ушел из мира моды, объяснив свое решение

сменой жизненных приоритетов. Потом он возглавлял благотворительный фонд, боровшийся с анорексией, а затем и вовсе пропал с радаров.

В ожидании креативного директора «Транс-Реалити» разглядываю инсталляцию, установленную возле одной из стен – еще один предмет в кабинете, помимо стола и кресел. Точнее, три предмета. Инсталляция представляет собой три больших стеклянных бокса, внутри них находятся три глыбы льда, на которые неизвестно откуда проецируется закольцованное видео. Все три сюжета связаны между собой одним героем, лицо которого большей частью размыто, но иногда на ледяных изломах проступают отдельные черты, правда, сложить из них портрет мне не удастся.

На том ледяном экране, что слева, герой сидит в позе лотоса, закрыв глаза и сомкнув руки в области паха, – камера неторопливо облетает вокруг него, заставляя фигуру в кадре вращаться. Изображение на экране посередине: тот же человек, танцующий причудливый танец – он высоко вскидывает колени, в то время как его руки то взмывают кверху, то опадают вниз. В этом танце есть что-то индийское, а несколько фаз, которые одновременно видны в кадре, добавляют танцору сходства с многоруким индуистским богом. На третьем экране изображение более замысловатое: герой сначала распадается на сотни одинаковых фигур, а затем все фигуры собираются в одну, и когда это воссоединение происходит, на лбу фигуры ярко вспыхивает третий глаз, глядящий на зрителя, то есть на меня, одновременно с любопытством и с жалостью.

– Любите видеоарт? – слышу высокий мужской голос у себя за спиной.

Обернувшись, я вижу Паоло Рамбана, который неслышно вошел в кабинет. Лет шестидесяти с лишком, невысокого роста, с крупными чертами лица и бронзовой ухоженной кожей. Он не просто стоял – он позировал, поглаживая рукой с двумя перстнями свою бородку-готи и высокомерно изучая меня сквозь очки с черепаховой оправой.

Паоло представлял собой поистине впечатляющее зрелище. Костюм темно-пепельного оттенка, с золотой расшивкой по рукаву, высокий воротник рубашки, прикрывающий все горло, которое обхватил пестрый галстук, заколотый бриллиантовой брошью. Из-под укороченных по последней моде брюк выглядывали полусапоги на высоком каблуке из зеленой крокодиловой кожи. Запах его парфюма был довольно насыщенным и тут же наполнил кабинет

атмосферой роскоши и высокой моды.

Я поднимаюсь с кресла и пожимаю его руку – вялое рукопожатие, которое он быстро прерывает и театральным жестом указывает мне на мое место. Сажусь. Рамбан занимает место напротив, закинув ногу на ногу, и с минуту смотрит куда-то поверх моей головы. Терпеливо жду продолжения.

– Итак, Золтан... – Он говорит медленно, растягивая слова, будто знает огромную цену каждого. – Я слышал, вы с блеском прошли первый этап собеседования. Очень рад за вас.

– А можно вопрос, господин Рамбан?

– Просто Паоло.

– Хорошо. Паоло, кто автор этой потрясающей инсталляции?

Рамбан приподнимает бровь. Он явно ожидал другого. Что-нибудь про кислоту, или медитацию, или пустой конверт. Но еще во время своих художественных медитаций в Нагаркоте я принял решение, что в моменты нахождения внутри корпорации, буду «доверяться ветру», что и продемонстрировал только что Рамбану. Кажется, ему это понравилось. Он позволил себе полуулыбку и наградил меня вежливым кивком головы.

– Это мое творение.

– Серьезно?

– Ну да. Я возглавляю креативный отдел огромной медиакорпорации. Видеоарт – вполне закономерное хобби в моем случае.

Воцаряется небольшая пауза, Рамбан опять смотрит куда-то поверх моей головы, будто позабыв про меня. Спустя пару минут он снимает очки и устало трет переносицу.

– А теперь, если позволите, Золтан, я задам вам несколько вопросов.

Я тут же восстанавливаю в памяти свое липовое CV, но, как выясняется вслед за этим, мне эта информация не пригодится.

– Как вы думаете, Золтан, почему одни люди добиваются в жизни успеха, а другие – нет?

– Думаю, речь идет сразу о нескольких факторах: наследственность, свойства характера, талант, в конце концов.

– Разумеется, – кивает он, водружая очки обратно. – Но есть нечто более важное. Просто одни люди хотят этого, а другие не хотят.

– Разве не все люди хотят быть богатыми и знаменитыми? – Я не могу понять, к чему он ведет.

Рамбан отмахивается от моего вопроса, продолжая своим фирменным скучающим тоном.

– Деньги и власть – это лишь инструмент.

– Инструмент для чего? – не унимаюсь я.

– Для создания реальностей. Тех реальностей, в которых нам нравится жить.

– Вы используете слово «реальность» во множественном числе...

– Так и есть. Было бы скучно жить всего в одной реальности, не правда ли? Наш разговор – это одна из реальностей. Когда беседа завершится, начнется другая реальность – и для вас, и для меня. Однако правда в том, что мы сами создаем эти реальности, но многим людям, почти всем, кажется, что реальность, в которую они заключены, – это данность, предопределенность и неизменность. Вы понимаете, о чем я?

– Кажется, да.

Паоло Рамбан поднимается со своего места. Я слежу за его перемещениями, поворачиваясь вместе с креслом.

– Возможно, вам знакома аллегория, придуманная Сократом, – о людях, запертых в пещере.

Предпочитаю ничего не отвечать.

– Я вам напомню, Золтан. Сократ утверждал, что обычный человек напоминает пленника, сидящего на полу пещеры со скованными руками и ногами. Он сидит спиной к выходу из пещеры, и все, что он видит, – тени от предметов, движущихся у него за спиной. Не будучи в силах повернуться, он полагает эти тени единственно возможной реальностью и не допускает мысли, будто существует что-то еще. Если бы Сократ жил в наше время, пожалуй, он сравнил бы телевидение с фокусником, который, пробравшись в пещеру и стоя за спиной у пленника, проецирует на стену перед ним различные фигуры – привлекательные или отвратительные, изящные или примитивные. Наблюдая за этой игрой теней, вы можете подумать, будто она наполнена смыслом, однако это лишь тени, иллюзии, фикция. Так вот, в какой-то момент нам в корпорации надоело продюсировать театр теней – мы намерены снять с пленника оковы и вывести его из пещеры наружу...

– Благородная миссия! – позволяю я себе замечание.

– Речь здесь не идет о благородстве, – отвечает Рамбан. – Нам просто неуютно в пещере. Именно потому, что мне нравится конструировать реальности, я и стал в свое время заниматься модой. И именно поэтому перестал заниматься ею. В какой-то момент я понял, что мода – слишком примитивный инструмент. Скажем так, это павлинье перо, щекочущее ухо, а нам в корпорации нужен лазерный скальпель, вскрывающий череп.

Рамбан подходит к бару в стене, берет в руки графин с водой, предлагает мне, я отказываюсь. Со стаканом в руках он присаживается на край стола прямо передо мной и произносит:

– Если бы вам пришлось разрабатывать пиар-стратегию для новой религии, с чего бы вы начали?

– Это аллегория? – спрашиваю я, не веря своим ушам.

- Много из того, что мы делаем, можно выразить лишь языком метафор.
- Религия – это набор мистических знаний, приспособленных для определенной географической зоны. Они решают экзистенциальные задачи: что будет после, в чем смысл бытия, каково наше предназначение...
- И? – Паоло явно заскучал от моего красноречия.
- Любое общение с богами предполагает жертвоприношение. Или как минимум подношение. Поэтому я бы пошел проверенным путем. Выбрал бы лицо бренда, создал ему соответствующее паблисити. А потом – распял бы его.
- Эффект жертвы давно уже не работает, мы проводили исследования, – отмахивается Рамбан. – Людям теперь сложно концентрировать свое внимание более чем на сутки, они забудут вашего мессию на следующий день. Я бы хотел получать от вас более оригинальные решения.
- Смотря какой показатель пиар-кампании считать успешным. Даже звезды-однодневки хорошо продаются.
- Новый рынок, который мы намерены завоевать, измеряется не деньгами. Он измеряется душами людей.
- Звучит загадочно.
- Будет время и для конкретики, – обрывает меня Рамбан.

Он бросает взгляд на свои часы, по циферблату которых быстро проносятся какие-то золотистые символы. Едва заметно поднимает бровь – признак легкого раздражения, который от меня не ускользнул, – потом встает. Я решаю, что аудиенция подходит к концу. Судорожно соображаю, как спасти ситуацию. Мне очевидно, что я не произвел на Рамбана должного впечатления. Однако он не указывает мне на дверь, а смотрит прямо в глаза, возможно, впервые за нашу встречу.

- Знаете, Золтан, мне вас настоятельно рекомендовали... Что ж, посмотрим. В любом случае, чтобы утвердить вашу кандидатуру, я должен провести с вами

один небольшой тест.

Принимать я здесь больше ничего не буду – говорю я себе.

– Что вам известно о дзен-буддистских коанах? – произносит мой собеседник.

Час от часу не легче.

– Это кажущиеся невыполнимыми задания, которые учителя дзен давали своим ученикам, – отвечаю я. – Продемонстрировать хлопок одной ладони, найти то, что находится севернее Северного полюса, и так далее.

– Совершенно верно. Хотя я и не учитель, а вы пока не мой ученик, но тем не менее... Вы должны остановить этот самолет.

Он указывает в сторону окна, где самолетик размером с малярийного комара неспешно движется в пространстве между двумя небоскребами. Я тут же вспоминаю японского монаха, которому учитель дал задание остановить поезд. Для монаха все закончилось печально – не найдя другого решения, он бросился под поезд, и учитель посчитал, что монах формально справился. Перевожу взгляд с окна на Рамбана. Тот наблюдает за мной с едва заметным скепсисом, но серьезно. Я понимаю, что он вовсе не шутит, более того, не оставляет мне времени на раздумья. Надо действовать!

Я вскакиваю на ноги, отрываю свое кресло от пола и с размаху швыряю его в окно. Хромированная крестовина врежется в стекло, и оно тут же покрывается мельчайшей паутиной трещин, за которой невозможно разглядеть ни город, ни самолет над ним. Потом поворачиваюсь к Паоло, готовый к любой реакции.

Паоло застыл, явно озадаченный. Он смотрит на окно, переводит взгляд на меня, и я впервые вижу на его лице оттенок интереса. Не может быть! Он бросает взгляд на свои часы и награждает меня белозубой улыбкой, театрально жестикулируя.

– Bravo, Золтан! Вы справились с заданием.

– Да?

– Очевидно. Мне кажется, вы небезнадежны, мой дорогой.

– Спасибо...

– Что ж, приходите завтра в десять, чтобы Марк успел все вам показать и познакомить с ключевыми лицами компании.

– Конечно, буду в десять, – обещаю я, пожимая на прощание его вялую руку.

– И еще кое-что... – произносит Рамбан. На этот раз он не выпускает мою руку из своей и сверлит меня взглядом сквозь свои модные очки. – Записка, которую я оставил здесь перед вашим приходом, – отдайте ее мне. В левом кармане брюк, если не ошибаюсь?

0011

Когда я сообщаю Харону, что принят на работу, старик вне себя от счастья. По такому случаю у него есть для меня подарок, который он передаст через Линн – экзотичную байкершу, бравшую у меня анализ крови. Разговор с Рамбаном решаю пересказать ему позже – пусть сначала переведет мне аванс.

Пока жду курьершу, пытаюсь переварить сказанное Рамбаном. Новая религия? Говорил ли он хоть отчасти серьезно или просто хотел проверить новичка? Хотя почему бы и нет? Церкви давно превратились в корпорации – может же произойти и наоборот? Спрос на духовное сейчас высок, как никогда. А предложение? Храмы стали туристическими достопримечательностями. Религиозные символы – принтами на футболках. Универсальные автоцеркви превратили веру в духовный фастфуд. Сложно придумать более удачный момент для вывода на рынок новой религии.

Но все сработает лишь в том случае, если это будет действительно крутой продукт. Не очередной психотренинг для инфантилов или секта для одиноких неудачников, а нечто по-настоящему новое, современное и цепляющее. Что же такое они могли придумать?

Когда Линн приезжает ко мне домой вечером того же дня, оказывается, что она и есть обещанный подарок. Прежде чем отправиться в постель, мы закидываемся парой таблеток из ее фармацевтической сумочки, и мне чуть не срывает крышу от наслаждения. Сложно отделить действие стимуляторов от телесной химии, да и не нужно. Мне просто хочется заполнить ее собой, вдыхать запах ее тела, ловить дыхание, вздрагивать от каждого прикосновения, быть грубым и нежным одновременно. Когда спустя несколько часов я заканчиваю исследовать ее покрытое татуировками тело, она деловито одевается и, прежде чем уйти, ставит на прикроватную тумбочку три банки с таблетками.

– Босс просил передать, – поясняет она. – Это – чтобы как следует выспаться. Примешь сегодня. Это – для концентрации внимания. Примешь завтра утром. Это – чтобы взять себя в руки в стрессовой ситуации. Принимать по одной штуке не чаще раза в день.

– Что в них?

– Никакой химии, только натуральные компоненты, новейшая разработка, – кажется, она издевается надо мной, изображая ведущую телемагазина. Я демонстративно скидываю банки в ящик тумбочки. Безразлично пожав плечами, Линн направляется к двери, но я останавливаю ее:

– Ты давно работаешь на Харона?

– Достаточно, – уклончиво отвечает она.

– Странно, что мы не встречались прежде. Мне казалось, я знаю всех его помощников.

– Ничего странного, – обрывает она. – Не забивай голову ненужными вещами.

Мне не хочется, чтобы она уходила так быстро, но, похоже, она не настроена на болтовню.

– Когда мы увидимся снова? – спрашиваю я.

– Золтан, ты ведешь себя как девчонка, – усмехается она.

Черт, она права. Секса, пусть даже под стимуляторами, – слишком мало, чтобы привязаться к практически незнакомому человеку.

– Соберись, приятель, – бросает она, задержавшись в дверях. – Завтра у тебя важный день.

Уже спустя минуту я слышу, как за ней закрываются двери лифта. Все-таки достаю из тумбочки пилюли и, закинув одну в рот, засыпаю сном праведника.

Мне снятся цветные сны, действие которых происходит на ферме по разведению бабочек. Вобразившись на грудь поверженного демона с лицом, закрытым маской горнолыжника, я танцую разрушительный танец Шивы. От каждого движения моих многочисленных рук с неба низвергаются самолеты, и только бабочкам, летающим вокруг, я не причиняю никакого вреда.

0012

На следующий день, во вторник, я прибываю в «Транс-Реалити». На часах без пяти минут десять. Морда кунсовского Микки-Мауса кажется мне необычайно дружелюбной, охранники на рецепции – предупредительными стражами, призванными обеспечивать мою безопасность, а маячащий возле лифта Марк – старым другом, которому я искренне рад. Если это эффект таблеток для концентрации внимания, одну из которых я все же принял после завтрака, то нужно будет затребовать у моей «медсестры» еще пару упаковок. Тем временем Марк начинает экскурсию, цель которой – познакомить меня со всеми департаментами корпорации. Мы начинаем путешествие с пятого этажа, где

расположен Департамент безопасности.

– Паоло поручил познакомить тебя с ключевыми фигурами корпорации, главами департаментов – они же акционеры, – весело тараторит Марк. – Не факт, что все они окажутся на месте, и не факт, что смогут нас принять. В любом случае ты должен знать, что все акционеры – люди довольно эксцентричные. Ну, в хорошем смысле. Я тоже проходил этот путь год назад и признаюсь, это было весьма впечатляюще.

Марк уже не выглядит таким надменным, как в прошлый раз. Разумеется, он еще не рассматривает меня как равного, но по крайней мере в его глазах я поднялся на ступеньку выше. Чтобы расположить его чуть больше, напускаю на себя немного манерности. Конечно, его гей-радар это не обманет, но сбить с толку может. Чтобы усилить эффект, называю среди своих любимых мест в городе пару гей-клубов, пока мы болтаем по дороге. По мере того как мы продвигаемся вверх по этажам, я все яснее понимаю, что слова Марка насчет экстравагантности здешних сотрудников – не пустой звук.

Глава Департамента безопасности, швед Игги Бьольверк, оказался рослым широкоплечим здоровяком лет пятидесяти с черной повязкой на левом глазу и увесистой тростью, больше похожей на посох, на которую он опирался при ходьбе. Его внешность была невероятно картинной, словно позаимствованной из скандинавского эпоса. Вдобавок ко всему прямо в его кабинете стояла огромная клетка с двумя воронами.

– Это Хугин и Муниин, – пояснил швед, перехватив мой удивленный взгляд. – Хугин – исключительно умное создание, а Муниин необыкновенно злопамятный. Не суй к ним пальцы, если не хочешь, чтобы они их оттяпали.

Обсудив с Игги особенности поведения его крылатых подопечных, мы проследовали в Финансовый департамент, где я познакомился с его руководителем по имени Фо Ци. Неправдоподобно толстый китаец встретил нас широченной улыбкой, будучи раздетым по пояс: его необъятные груди каскадом свисали на такие же огромные бока, и все это колыхалось в унисон с шарообразным пузом, к которому он радушно прижал сначала Марка, а затем меня.

– Простите мне мой вид, – произнес Фо Ци, ничуть не смутившись. – Я занимался гимнастикой.

Покинуть кабинет господина Фо мы смогли только спустя час, когда выслушали десяток уморительных историй про барьеры в коммуникации между китайцами и европейцами, полюбовались фотографиями его пятерых детей и выпили по меньшей мере литр зеленого чая.

Следующим на очереди был Юридический департамент, где Марк познакомил меня с главным юристом корпорации – латвийской матроной по имени Августа Юстас. Как мне показалось, она сразу же запала на меня. Пожалуй, если бы эта энергичная белокурая дама была лет на десять моложе и весила на десять килограммов меньше, я с удовольствием замутил бы с ней служебный роман. Но в данном случае решил ограничиться легким флиртом во время дегустации рижского бальзама.

Следующим на очереди было знакомство с руководителем Департамента персонала – угрюмым индийцем Давендранатом Чопрой. Сославшись на занятость, господин Чопра перепоручил нас своей секретарше, которая развлекала нас в приемной, пока ее шеф громоподобным голосом распекал кого-то за дубовой дверью кабинета.

Этот калейдоскоп знакомств, включая перемещения на лифте, прогулки по бесконечным коридорам и ожидание в приемных, занял почти весь день, к концу которого Марк, как ни хорохорился, выглядел довольно уставшим.

– Остались еще два департамента. Первый – Технический, но туда стажеров не допускают. Второй – Креативный департамент, которым руководит Рамбан. В нем ты и будешь работать, – сообщает он, пока мы набираем воду из кулера. – Если, конечно, пройдешь третий тест.

– Какой третий тест? – переспрашиваю я.

– Насколько я знаю, две ступени ты уже прошел. Третья же займет некоторое время. – Марк загадочно улыбнулся. – Как тебе наши боссы?

– Очень примечательные персонажи, как ты и говорил.

– Что думаешь про Фо Ци?

– Меньше всего он похож на финансиста – я бы скорее принял его за буддистского мастера.

– Возможно, потому что он не финансист в классическом понимании этого слова. Аккумуляция денежных потоков не является самоцелью корпорации – ты сам со временем это поймешь. Деньги для нас – это кровь, которая должна течь по жилам, чтобы организм функционировал.

– В контексте большого бизнеса звучит неожиданно.

– Знаешь, люди часто повторяют, что деньги – не главное. И всегда это звучит лживо, – усмехнулся Марк. – Просто одни говорят это потому, что денег у них нет, а другие – потому что денег у них слишком много.

Я признался себе, что Марк, которого я поначалу недооценил, оказался вовсе не так прост.

– А что скажешь про Юридический департамент? – поинтересовался я.

– Августа и ее цепные юристы улаживают все проблемы, связанные с легализацией нашего бизнеса. Корпорация действует, скажем так, в инновационной сфере, для которой еще не прописана законодательная база. Так что, сам понимаешь, работы у них хватает. К слову, Августа – довольно милый человек, если ее не злить. Не могу сказать того же про Бьольверка и Чопру. Но думаю, ты сам во всем разберешься в ходе стажировки.

– Что ж, спасибо за экскурсию! – Я похлопываю своего нового приятеля по плечу.

– И еще кое-что. – Марк следует за мной в направлении лифта. – Завтра в девять вечера я устраиваю небольшую вечеринку у себя дома. Приходи – сможешь познакомиться с коллегами в неформальной обстановке. Сброшу тебе адрес.

– Отлично! – отвечаю я. Он пожимает мне руку, и наши ладони соприкасаются чуть дольше, чем того требует корпоративный этикет.

Все складывается подозрительно удачно. Сравнительно легкое поступление на работу, знакомство с первыми лицами и сразу же приглашение на неформальный корпоратив. Хотя, возможно, «подозрительно» – лишнее слово и просто я такой охренительный красавец и умница. Лично меня эта версия сейчас вполне устраивает.

0013

По вторникам – вечер покера. Точнее, изначально это была суббота. Раньше мы с ребятами собирались по субботам в испанском ресторанчике с игривым названием PUTA, ели паэлью, болтали и перекидывались в карты. Однако со временем из дней отдыха выходные превратились в возможности для бизнес-нетворкинга, и для друзей получалось жертвовать только невзрачным будним вечерком.

Ребята – это трое моих друзей. Аксель, с которым мы живем в одном небоскребе, его младший брат Тим и наш четвертый мушкетер, которому лучше всего подошла бы роль Портоса – увалень Си-Джей по прозвищу Сумо (о нем я уже упоминал). В отличие от остальных друзей, которых я завел уже по возвращении из США, Сумо единственный, кого я знаю со своего уличного детства. Из-за этого в нашей компании он смотрится немного странно, ведь Аксель работает управляющим модного бутика, а Тим – клубный промоутер.

Сумо же виртуозно соединяет профессии сутенера, мелкого афериста и продавца нелегальных товаров, по большей части полулегальных гаджетов. Я дорожил Сумо, сам не знаю почему. Не только как полезным контактом, но и как человеком. Пожалуй, он единственный, кого я мог вообще назвать своим другом.

Что касается меня, то я в нашей компании прохожу просто как карьерист – о моих делишках с Хароном не стоит знать даже близким друзьям. Разве что Сумо может о чем-то догадываться, так как иногда помогает мне с добыванием информации.

В моем блокноте накопилось уже несколько десятков их портретов. Гладко выбритый остроносый череп Акселя. Похожая на мордочку мопса физиономия Тима с приплюснутым носом и вечно поднятыми вверх бровями. А также

массивная харя Сумо с округлыми щеками, покатым лбом и тяжелым подбородком.

Я обзавелся друзьями «своего круга» специально, чтобы не выглядеть социопатом. Тяги к общению я не испытывал никогда: слишком мало общего видел между собой и окружающими меня людьми. Все они пытались как-то выделиться из толпы. Я же, наоборот, наслаждался своей безликостью, позволявшей мне быть внимательным наблюдателем. Через несколько лет, уже после воссоединения с Хароном, эти друзьягодились. Проверяльщики из разных компаний и государственных органов обнаруживали меня окруженным оптимистичными балбесами и записывали в свои отчеты «стабильные отношения с небольшим кругом друзей, социально адаптирован». Именно Сумо придавал моей компании реализма, время от времени отвлекая на себя внимание ищущих. Особенно тех, что работали на копов. Что мне и требовалось: оставаться на виду и быть невидимым – залог успеха корпоративного шпиона.

Итак, вечер покера по вторникам – эта традиция появилась у нас года три назад. Правда, все чаще мы откладывали карты и развлекались игрой в «верю – не верю». Правила простые: рассказываешь историю, которая произошла с тобой за последнюю неделю – в действительности или в твоём воображении, – а остальные пытаются угадать, было ли это на самом деле. Кто угадывает реже других, оплачивает обед. В прошлый раз эта привилегия выпала мне, но чаще всего раскошеливаться приходится Тиму – слишком уж он мнительный.

Сегодня первым свою историю нам рассказывает Аксель. Все его рассказы похожи одна на другую, словно эпизоды сериала. Стандартная локация – примерочная кабинка бутика, действующие лица – безбашенные телочки. В этот раз речь пошла об одной сексапильной барышне, заявившейся на примерку со свеженакрашенными ногтями. Акселю, который в это время удачно оказался в торговом зале, пришлось зайти с ней в примерочную кабинку, чтобы собственноручно раздеть клиентку, натянуть на нее облегающее платье, а затем снова раздеть и одеть. Также в этой истории присутствовал скоростной минет, которым модница отблагодарила за оказанное ей внимание. По выражению лиц слушателей я понял, что все, как и я, сомневаются в достоверности этого эпизода. Мы пишем свои варианты – «верю» или «не верю» – на салфетках и передаем их Акселю. Согласно правилам игры, правильный ответ мы узнаем, когда все участники расскажут свои истории.

Тим решил поведать нам о том, как он организовывал приезд известного японского диджея, в райдере которого, помимо стандартных пунктов, значился целый арсенал интимных игрушек, набор стимуляторов, наручники (обязательно настоящие), две девственницы и секс-робот. С большей частью набора у Тима все прошло гладко. Он даже сумел купить наручники у знакомого копа и арендовать секс-робота по имени Лили. А вот с девственницами пришлось повозиться. Как выяснилось, невинные девушки вовсе не горят желанием заниматься проституцией, даже если в качестве клиента выступает всемирно известный диджей. Только через знакомого владельца модельного агентства Тиму удалось решить эту проблему.

После медицинского освидетельствования миловидные девственницы были доставлены в номер японца перед его выступлением в клубе. И вдруг на выступление диджей не является, на звонки не отвечает. Когда Тим проник к нему в номер, то обнаружил, что японца приковали к батарее. Девственницы же исчезли вместе с личными вещами диджея, его деньгами и даже секс-роботом. Моему другу лично пришлось распиливать наручники с помощью ножовки, а украденные вещи вернуть так и не удалось. Разве что Лили была обнаружена на следующий день благодаря ее GPS-передатчику – валялась на недостроенной станции наземного метро, предлагая бомжам секс за деньги.

Слово берет Сумо. Он рассказывает нам историю, как закупил у одного барыги крупную партию VR-шлемов, и все они оказались нерабочими. Когда Сумо удалось вычислить адрес барыги, он вместе со своим помощником заявился туда в отсутствие хозяина и обнаружил там целый склад бытовой техники. Они вынесли оттуда все самое ценное, включая один гаджет, назначение которого Сумо долго не мог разгадать. По его словам, это была круглая штука размером с яблоко, с небольшим отверстием с одной стороны и единственной кнопкой с другой.

Новый хозяин гаджета подозревал в нем и зажигалку, и продвинутую точилку для карандашей, и ароматизатор воздуха. И вот однажды он отважился засунуть в отверстие палец, одновременно нажав на кнопку. Его как будто током ударило! В одно мгновение в голове у Сумо пронеслись все самые приятные мгновения, которые были в его жизни. Все это длилось не больше тридцати секунд, и в какой-то момент ему даже показалось, будто он умирает или уже умер. Сумо попробовал активировать этот гаджет снова, но тот не подавал признаков жизни. То ли батарейка села, то ли картридж закончился. А когда он вскрыл эту штуку с помощью ножа, из нее высыпалась лишь горстка черного

песка – ни проводов, ни микросхем, ничего.

Пришла моя очередь рассказывать удивительную историю. Я поведал друзьям о своем собеседовании с участием богов и применением сильнодействующего наркотика. Естественно, название корпорации и обстоятельства, предшествовавшие этому экзамену, я утаил. Неудивительно, что моей истории, судя по надписям на салфетках, никто не поверил – как и истории Акселя. Что касается похищенного секс-робота, то «верю» сказали мы с Сумо, но Тим признался, что он выдумал все от начала до конца. А вот истории про удивительный гаджет поверил я один, и каково же было удивление моих друзей, когда Сумо начал клясться, что все это было на самом деле. Он так и не сумел убедить в своей честности Тима и Акселя, с которыми в итоге разделил счет за обед.

Когда мы вышли из ресторанчика, Аксель с Тимом поймали такси, а Сумо стал дожидаться, пока его подберет один из его дружков. Я возился с навигатором, как вдруг он подошел к моей машине и жестом показал, чтобы я опустил боковое стекло.

– Слушай, я ведь рассказал чистую правду. Хочешь, покажу тебе как-нибудь, что осталось от этого шара?

– Я верю, дружище. Я ведь так и проголосовал – не помнишь?

– Спасибо, братуха. Для меня это важно. Кстати, как тебе информация, которую я тебе сбросил? Пригодилась?

Искренне благодарю его за помощь, на что Сумо отвечает, что лучше бы мне не связываться с этим Гаади – про него и его окружение говорят, что они те еще людоеды, требующие полного подчинения. Я киваю и отъезжаю от ресторана. Успеваю увидеть в зеркале, как рядом с Сумо останавливается огромный черный джип, и толстяк исчезает на заднем сиденье, помахав мне на прощание рукой. Поздно, дружище, я уже влез в это дело по уши.

Следующий день в «Транс-Реалити» я провожу в изучении множества скучных циркуляров и должностных инструкций, а также подписании целой пачки договоров о неразглашении. Ближе к вечеру, перед вечеринкой у Марка, звоню своей ниндзя-проститутке – мотоциклистке Линн. Она приезжает через полчаса – будто ждала моего звонка. Быстрый секс. Очень быстрый.

Рассказав ей про Марка и про вечеринку, предлагаю отправиться туда вместе, а поскольку я намерен напиться, решаем ехать на ее мотоцикле. Перед выездом я закидываюсь двумя таблетками – одна от стресса, вторая для концентрации внимания: интересно, как они сработают вместе.

Марк живет на другом конце города, на улице Эмеральд Хилл – район с роскошными резиденциями и живописными особняками. Мы добираемся туда очень быстро – то ли из-за скоростного вождения моей подруги, то ли потому, что из-за таблеток начинает сворачиваться пространство и время. Линн глушит мотор перед высокими воротами, и к нам выходит охранник, которому я сообщаю, что мы приехали в гости к Марку. В списке оказывается только мое имя. Мы ждем.

Спустя какое-то время перед нами появляется хозяин вечеринки. Он одет в расхристанную яркую рубашу, льняные брюки и сандалии. Волосы его растрепаны, щеки перемазаны губной помадой, а в руке он держит бокал с шампанским. Я знакомлю Марка с Линн, которая уже успела снять шлем, но по-прежнему восседает в седле мотоцикла.

– Послушай, Золтан, тут такое дело... – произносит Марк. – Забыл тебе сказать: вечеринка только для сотрудников.

Я не успеваю ничего ответить – меня опережает Линн:

– Нет проблем. Я заеду за тобой попозже, Зет.

Она отчаливает, а мы с Марком проходим за ворота.

– Твоя подружка не обиделась? – спрашивает он.

– Ее сложно обидеть.

Как для ассистента креативного директора мой новый приятель устроился нехило. Просторная ухоженная территория, двухэтажный особняк с лаконичным фасадом в скандинавском стиле. Возле него – большой квадратный бассейн, у которого тусуются человек тридцать гостей. Узнаю пару знакомых: толстого Фо Ци из Финансового департамента, развалившегося в шезлонге, и главного юриста корпорации, Августу, которая, заметив меня, многозначительно подмигивает поверх своего бокала. Ни Рамбана, ни Гаади среди гостей я не нахожу. Марк удаляется, чтобы налить мне выпить, и благополучно забывает про меня, разговаривая с двумя девчонками в ярких платьях. Завладев бутылкой виски, оставленной на столике неподалеку, наполняю бокал до краев. После этого принимаюсь разглядывать компанию, пользуясь тем, что на меня никто не обращает внимания.

Компашка возле бассейна собралась довольно разношерстная: и солидные мужчины, и дамочки в возрасте, и офисные старлетки, и молодые карьеристы. Несмотря на различия в возрасте и внешности, все участники тусовки как будто слеплены из одного теста – сходства в них куда больше, чем различий. Одинаковые выражения лиц, манера держаться, жестикулировать... Неужели работа в одной корпорации способна наложить такой отпечаток? Ждет ли меня такое же форматирование? Пока я размышляю об этом, успеваю прикончить первый бокал. В тот момент, когда наливаю второй, ко мне подкатывает Августа Юстас.

– Разглядываешь публику? – интересуется она.

– Ну да, нам ведь вместе работать... Я надеюсь.

– Еще насмотришься, – говорит Августа, поправляя кольцо с бриллиантовым католическим крестиком.

Этот жест должен привлечь мое внимание к ее декольте – так, собственно, и выходит. Главе Юридического департамента хорошо за сорок, но сразу видно, что она следит за собой. К тому же вне офисной обстановки она кажется мне куда более привлекательной. словно почувствовав исходящие от меня флюиды, дама берет меня под руку, и мы совершаем рандеву вокруг бассейна.

– Золтан, ты бы, наверное, хотел, чтобы я познакомила тебя со всеми? Раз уж Марк этого не сделал, – говорит она.

– Предпочитаю не торопить события, следуя вашему совету.

– Но с господином Фо, полагаю, ты уже виделся?

– Привет, Золтан! – Китаец делает вид, что собирается подняться с шезлонга, но, конечно же, остается на месте.

– Фо – истинный буддист, – шепотом сообщает Августа. – Вообще в корпорации лояльно относятся к различным вероисповеданиям.

– Это я уже понял. – Я вспоминаю граффити с изображением божественных посиделок, увиденное мною на стене митинг-рума.

– Мистер Ци – экономист от бога, – продолжает моя спутница. – В Китае ему прочили пост министра экономики, но наш друг предпочел банковскую сферу. А когда партия попыталась отжать его многомиллионный бизнес, он был вынужден бежать в свободную зону Сингапура, а тут и подвернулось предложение от Саула. Я слышала, что он сумел вывести из страны лишь десятую часть своих активов – достаточно, чтобы стать ключевым акционером, а всем остальным поживились партийные бонзы.

– А Игги Бьольверк тоже здесь, на вечеринке? – поинтересовался я.

– Нет, наш Игги избегает светских сборищ, – усмехнулась Августа. – К слову, ты знаком с его историей?

Отрицательно качаю головой.

– Он служил специалистом по госпереворотам в европейских спецслужбах, а затем погорел на каком-то африканском проекте, – сообщает моя спутница. – Но потом стало известно, что он работал не только со спецслужбами, но и с частными клиентами. Так что репутация у Игги теперь такая, что лучше ему из Сингапура не выезжать. Всюду – и в Европе, и в Азии, и в Америке – его с радостью засадили бы лет на сто.

– Интересно! Получается господин Гаади собрал в совете акционеров корпорации «падших ангелов»? – решил я ее спровоцировать.

– Думаешь, ко мне это тоже относится? – встрепенулась она. – Ну ты наглец, Золтан! Хотя, знаешь, в твоих словах есть доля истины.

В этот момент к нам подруливает Марк, который выглядит еще более растрепанным, чем раньше.

– Августа, вы не против, если я на время похищу вашего спутника? Хочу показать ему дом.

– Только не забудь вернуть его, – прежде чем отпустить мое запястье, дама довольно сильно сжимает его.

Дом Марка внутри оказывается таким же привлекательным, как и снаружи: много света, просторные комнаты, белые стены, завешанные крупноформатными черно-белыми фото, в основном – эстетское ню.

– Давно купил этот дворец? – интересуюсь я, пока мы поднимаемся по лестнице.

– Что ты, это не мой дом. Корпорация арендовала его для вечеринок, и мне, как главному пати-мейкеру, предложили здесь жить. Вижу, ты время зря не теряешь, приятель. Что интересного узнал от Августы?

– Ничего конкретного, – уклончиво отвечаю я.

В это время Марк замечает темно-синий кабриолет, заезжающий на территорию резиденции. За рулем сидит загорелая шатенка в белой блузке – ее лица отсюда я разглядеть не могу.

– Это Катрин, – поспешно произносит он, убегая с террасы. – Я должен ее встретить.

Оставшись один, я допиваю свой виски и продолжаю наблюдать за тем, что происходит внизу. С появлением шатенки публика заметно оживляется. Многие покидают насиженные места, чтобы поздороваться с ней, другие просто приветливо машут рукой с другой стороны бассейна. Если с кем-то на этой вечеринке и нужно обязательно познакомиться, то именно с этой девушкой. За считанные секунды она стала буквально центром внимания.

– Вот ты где, Золтан! – слышу я голос Августы у себя за спиной. – На кого ты там засмотрелся?

– Кто это? – киваю на девушку. – Какая-то знаменитость?

– Можно и так сказать. Дочку Саула не часто можно увидеть на вечеринках. Так что любуйся, пока есть возможность.

Госпожа Юстас, судя по блеску ее глаз, уже успела основательно накидаться. Впрочем, и я уже навеселе. Она облакачивается на ограждение так, чтобы максимально приоткрыть свою грудь.

– Золтан, милый, ты должен кое-что узнать о принципах корпорации.

– Что же, Августа?

– Здесь поощряются дружеские отношения между сотрудниками, – с этими словами похотливая дама кладет руку на мою ширинку, и я с удивлением замечаю, что мой член успел налиться кровью.

Мы вышли из дома к бассейну – сначала я, через пару минут Августа. Катрин среди гостей не было, но судя по кабриолету на парковке, она по-прежнему здесь. Тем временем вечеринка успела набрать обороты: музыка звучала громче и бодрее, по периметру бассейна зажгли факелы, а часть гостей уже вовсю плясала с бокалами в руках. Многие резвились в воде – кто в купальных нарядах, а кто и в одежде. В центре бассейна подобно небольшому острову зависал Фо Ци, одаривая всех окружающих своей благосклонной улыбкой, и стайка юных сотрудниц в бикини льнула к его колышущимся на воде телесам. Кто-то наполнил мой бокал виски, и я, вместо того чтобы сказать «мне хватит», разделался с напитком тремя глотками.

Таблетки, алкоголь, оглушающая музыка – на мгновение мне показалось, что я теряю контроль над своим телом, и чтобы не свалиться в бассейн, присаживаюсь в надувное кресло. «Надо бы вызвать Линн», – подумал я, но не успел достать из кармана телефон: Марк, взобравшись на один из столов, привлек внимание всех присутствующих криком «Эй, народ!». С микрофоном в одной руке и бокалом вина в другой он принялся вещать:

– Я решил взять слово вовсе не для того, чтобы указать вам на дверь, – в ответ раздаётся дружный смех. – Вечеринка не заканчивается – скорее наоборот. Как вы знаете, нашего босса, Саула Гаади, редко можно заметить на подобных сборищах. Не потому, что его раздражает наше общество, – снова смех, – а в силу его напряженного графика. Однако Саул попросил меня передать вам привет и пожелание оторваться по полной, – аплодисменты, крики «йеее!» и «ура!». – Но это еще не все, дорогие друзья! Господин Гаади приготовил специальный подарок для каждого из вас! – слово «каждого» Марк выделил особым образом. – Думаю, все вы догадываетесь, о чем речь... Итак, внимание на экран!

Толпа вновь зааплодировала, а я принялся искать глазами экран, о котором шла речь. Спустя минуту я заметил движение на фасаде дома: из-под карниза появились металлические панели, излучающие мелкую водяную пыль. Спиной к экрану и лицом к беснующейся от восторга публике, стоит дочь Гаади Катрин – невозмутимая и слегка отстраненная. На этот раз мне удалось рассмотреть ее: смуглая кожа, миндалевидные карие глаза, четко очерченные губы – восточная красота высшей пробы. Она скрестила руки перед собой, отчего ее идеально круглые груди под белоснежной блузкой слегка приподнялись. На указательном пальце мерцает крупный золотой перстень с темным камнем, в котором отражается огонь факела, стоявшего неподалеку. На мгновение наши взгляды встречаются, и мне кажется, будто она совсем не удивлена тому, что я столь неприкрыто разглядываю ее, как будто мы с ней уже были знакомы, и знакомы давно. Едва заметно кивнув мне, она отводит глаза, а я слышу обращенные ко мне слова официанта:

– Специальное угощение! – В руке он держит поднос с россыпью небольших разноцветных девайсов, похожих на ракушки, – на каждой из них вытеснен логотип «Транс-Реалити».

– Пожалуй, воздержусь.

– Это от господина Гаади, – уточняет официант, приподняв бровь.

Приходится принять «угощение» – к тому же я замечаю, что все остальные гости уже сделали это. Подсматриваю, как они вставляют ракушку в ухо и устраиваются поудобнее. Я предполагаю, что это какой-то девайс для массовых аудиотрансляций. Устанавливаю его в ухо и пытаюсь расслабиться, как и все окружающие.

Голографический фильм, трансляция которого начинается в следующее мгновение, открывается уже знакомым мне логотипом «Транс-Реалити»: буква «Т» с расходящимися в стороны лучами. Когда свечение заполняет весь экран, звучит мужской голос:

– Скоро. Скоро ты получишь то, о чем молился. То, чего всегда желала твоя душа.

Сквозь пятна света начинают проступать абстрактные фигуры, которые, вращаясь, устраивают психоделический хоровод.

– Ты мечтаешь о рае? Но каким он будет и когда наступит? И наступит ли вообще? Готов ли ты ждать, не зная, получишь ли то, чего ждешь?

Пытаюсь представить человека, произносящего эти слова, но мне это не удается.

– С помощью технологий мы создаем новую реальность – мир, наполненный счастьем. Твой мир. Твои правила. Твой рай. Такой, какой ты сам пожелаешь...

Пока что звучит забавно. Голографические картинки мелькают с увеличивающейся частотой – словно случайный набор визуальных обрывков, похожих на сюжеты карт таро. Два ворона, сцепившихся крыльями друг с другом, чаши весов, установленные на острие меча, алый веер с золотыми персиками, изображенными на нем, молния, бьющая в вековой дуб. И вдруг мерцание прекращается – символы, словно фрагменты пазла, складываются в изображение мужского лица. Я едва успеваю его разглядеть, отметив только восточные черты и пронзительный взгляд. Саул Гаади?

* * *

– Времени не существует. Есть лишь единый бесконечный момент бытия. Стоит лишь осознать это – и ты постигнешь вечность.

Голос доносится до меня с близкого расстояния, сопровождаемый потрескиванием костра. Я вздыхаю от неожиданности. Я больше не на вечеринке! Над черно-синим озером, окруженным белоснежными горами, сгущаются сумерки, а я сижу среди фигур в темных балахонах, окруживших костер. Мужчина, которого я принял за Гаади, сидит напротив и смотрит на меня в упор. Человек слева подает мне чашу с темным напитком, и я делаю глоток. Отмечаю, что у меня почему-то смуглые руки. Кто я? Голос Старейшины – а я почему-то уверен, что его следует называть именно так – обволакивает мое сознание.

– Однажды в Боливии я захотел добраться до озера Титикака. Невероятное место силы, подобное этому. И тут я обнаружил, что местные жители не знают, что такое «время». Я спросил у местного инка-пастуха, как долго добираться до озера.

Мир вокруг меня опять меняется. Я вижу низкорослого пастуха, который вытаращил на меня глаза, пока я стараюсь растолковать ему свой вопрос. Он меня не понимает и только улыбается. И тут я вспоминаю, что за всю неделю пребывания в этих местах ни у кого не видел часов. Тогда я прошу его показать мне, где будет находиться солнце, когда я дойду до озера. Пастух указывает точку на небе. Я прикидываю, что идти где-то три часа.

– На самом деле озеро скрывалось за ближайшей рощей, в пятнадцати минутах ходьбы. Когда я повстречал пастуха на следующий день и спросил, почему он обманул меня, тот объяснил мне, что когда сам идет к озеру, встречает знакомых, болтает с соседями, обедает на траве, разговаривает с птицами... Все, к чему мы стремимся, для него не имеет значения.

Лицо Старейшины вновь проникает в поле моего зрения, и озеро Титикака сливается с озером в Пакистане (почему-то я уверен, что это именно Пакистан). Два мира наслаиваются друг на друга. Переплетаются...

– Этот пастух был счастлив. И ты можешь быть счастлив и сделать счастливыми всех вокруг. Ты должен познать вечность и раскрыть ее для других. Для этой миссии ты получишь драгоценный дар, брат наш. Готов ли ты? – спрашивает

меня Старейшина.

Я чувствую сильное волнение. Именно к этому моменту я готовился всю жизнь. Старейшина встает, удаляется в неизвестном направлении, а затем возвращается в сопровождении женской фигуры в таком же балахоне, как и мы все.

Мое братство, окружившее костер, начинает тихо напевать. Девушка скидывает капюшон, и я вижу, что ее лицо впитало красоту всего мира. Кто она?

0015

Прихожу в себя дома, лежа на кровати, с тяжелой головой и жутким вкусом во рту. Надо мной стоит Линн со стаканом воды в руке.

– Хочешь пить? – спрашивает она.

Словно пес, жадно лакаю воду, пытаюсь понять, который сейчас час – окна в квартире зашторены.

– Девять часов утра, – отвечает Линн на мой вопрос. – Четверг.

Пытаюсь вспомнить, что было между вчерашним просмотром ролика и сегодняшним пробуждением. Удастся восстановить только обрывок видения: красивая молодая женщина, которая скидывает одежду в степном шатре, улыбается мне, что-то говорит почему-то по-французски. Стоит закрыть глаза, и я вновь ощущаю нежное прикосновение ее рук. Кажется, даже чувствую ее дыхание, овевающее мое лицо. Что же это было? И почему мне кажется, что я давно ее знаю? Готов поклясться, что это была Катрин, только со светлыми волосами.

Пока размышляю над этим, Линн приносит мне кофе. По ее словам, прошлой ночью Марк позвонил ей с моего телефона и попросил забрать меня. Когда она заехала за мной, я был немногословен и погружен в себя, а оказавшись дома, тут же уснул, чтобы проспать до утра.

Тянусь к телефону и к неопишуемой радости обнаруживаю сообщение:

«Привет! Надеюсь, ты круто оттянулся вчера на вечеринке!))) Отдел кадров на этой неделе подготовит твоё личное дело. Ждем тебя в понедельник. Позвоню завтра. Марк».

Как нельзя кстати! День отходняка – как раз то, что мне нужно. Интересно, незапланированный отгул предоставлен всем сотрудникам? Мы заказываем еду из вьетнамского ресторана, пробуем заняться сексом, но мой член вял, как морской огурец.

– Вот что бывает, когда мешаешь мои таблетки с выпивкой, – отмечает Линн.

Лежа в кровати, мы болтаем о том о сем. Я вдруг понимаю, что почти ничего не знаю об этой девушке, которую с такой легкостью впустил в свою жизнь и свою постель. Линн отвечает на мои вопросы спокойно и кратко, но её саму, похоже, обстоятельства моей прошлой жизни не интересуют – всё, что ей нужно было, она знала от Харона, а остальное её не беспокоило.

– Слушай, Линн, спрошу напрямую... Ты вообще кто? Ну, в смысле по отношению ко мне. Доктор, телохранитель, водитель, фармацевт, ассистент? Как Харон обозначил твою функцию, если не секрет?

– Не важно. Он попросил, чтобы я присмотрела за тобой. Упомянул, что ты талантлив, но импульсивен.

– Значит, ты должна сдерживать мои импульсы?

– Скорее направлять их в конструктивное русло.

– И как считаешь, ты с этим справишься?

– Раз ты жив и работоспособен – то да.

Линн лежала на животе, а я разглядывал ее татуированную спину и плечи. «Что означают твои татуировки?» – это самый бредовый вопрос, который только можно задать, но один из рисунков привлек мое внимание, так что я не удержался.

– Это что? – Я коснулся пальцем ее левой лопатки.

Цветная татуировка изображала Иисуса, прибивающего себя к кресту. Он уже прибил ноги и левую руку, в правой держал молоток, а в зубах сжимал пару гвоздей. Непонятно, как он собирался в одиночку завершить начатое – разве что благодаря божественной силе. Не нужно было долго вглядываться, чтобы заметить: татуировка прикрывает крестообразный шрам размером с сигаретную пачку.

– Старая история, – произносит Линн, и я решаю, что на этом все, но она продолжает: – Один урод оставил эту отметину. Я про шрам, а не про татуировку.

– Да, я понял. А кем он тебе приходился?

– Мужем.

– Вот как... Ты была замужем?

– Очень давно. А ты? Был женат?

– Ты же знаешь, что нет.

– Да, знаю...

– А что с ним теперь?

– Он умер три года назад. Его убили.

– Это как-то связано с тобой?

Она лишь пожимает плечами. Какое-то время мы молчим, пока она не спрашивает:

– А у тебя есть сожаления о прошлом? Случалось в твоей жизни что-то, что ты бы хотел отменить?

Я пожимаю плечами:

– Разве что один день, без которого все было бы гораздо проще.

– Что за день?

– День своего рождения.

Линн усмехается, но тут же понимает, что я не шутил. Она проводит рукой по моей груди.

– Тебя что-то мучает? Родители, несчастная любовь?

– Нет. В этом-то и проблема.

Теперь уже она ведет себя «как девчонка», думаю я. Довольно странно как для холодной томбой-девицы, какой она поначалу была. Мне неловко от этого, решаю поменять тему:

– Откуда ты знаешь старика?

– Мы познакомились пару лет назад. Я тогда работала в эскорт-сервисе.

Всего пару лет? Чувствую укол ревности.

– Эскорт-сервис... Это что-то вроде элитной проституции? – подкалываю я.

– Не совсем. Я не спала с клиентами – кроме особых случаев. Так же, как и ты, – парирует она.

– А сколько тебе лет?

– Двадцать семь.

– И что, Харон тоже был твоим клиентом?

– Иди ты! Нет, конечно. Мы познакомились на званом ужине, куда я пришла с одним типом, а тот оказался знакомым Харона. Перекинулись парой слов. Через неделю он нашел меня и предложил работу.

– Чем же ты его так зацепила?

– Не знаю, наверно, он хорошо разбирается в людях. В тебе ведь он тоже что-то заметил.

– И что же он заметил, по-твоему?

– Ты прирожденный игрок, Зет. Все, что ты делаешь, ты делаешь не ради денег – точнее, не только ради них. Тебе нравится рисковать, блефовать, передергивать карты, принимать чужие личины... Поэтому ты здесь, а не в Пасадене. И у тебя нет привязанностей. Я не говорю, что это плохо. Напротив, это очень удобно в нашей работе. Ты одиночка. Вот в этом мы даже похожи с тобой – мне тоже не нужны друзья и привязанности.

– Я заметил.

– А зачем они? Лишний якорь, потеря мобильности. Да и вообще...

– Мне кажется, что это начало прекрасной дружбы, – отвечаю я фразой из фильма. Но Линн, похоже, этот фильм не смотрела.

– Думаю, наши отношения практичнее, чем дружба, – усмехается она. – Ты так не считаешь?

– К слову о друзьях... есть у меня один. – Я опускаю ее руку к своему паху. – И он, кажется, уже пришел в себя!

В следующую минуту мы уже занимаемся тем, что получается у нас гораздо лучше разговоров.

0016

На следующий день, в пятницу, уже после полудня, я просыпаюсь от телефонного звонка. Еле продрал глаза, нашариваю телефон, одновременно обнаружив, что Линн исчезла. Звонит Марк – хочет заскочить ко мне. Интересно, что ему нужно? Осведомиться о том, как я себя чувствую после вечеринки, или что-то еще? Я даже не успел толком одеться, как Марк уже позвонил в дверь.

– Чем закончилась вечеринка? – интересуюсь я, когда мой гость, осмотрев квартиру, уселся в кресло с чашкой кофе в руках. – Кажется, я чуток перебрал у тебя.

– Ага, отключился в кресле у бассейна. Как тебе подарок Саула?

– Честно говоря, я не понял, что это было. Какой-то странный фильм... Знаешь, у меня от этого мелькания кадров возникло что-то вроде галлюцинации.

– Да что ты? – Марк демонстрирует удивление.

– Может, расскажешь, что это было? Или мне нужно сходить к психиатру?

– К психиатру можешь пока не спешить, – улыбается Марк. – К тому же в корпорации работают прекрасные специалисты, их услуги – часть твоего соцпакета.

Затем мы обсуждаем Августу, поскольку основное время на вечеринке я провел именно с ней. Марк соглашается с тем, что глава Юридического департамента – «довольно милая дама» (моя формулировка), но предупреждает, чтобы я с ней был поосторожнее, а то она меня трахнет (опоздал, Марк).

– Эта милая дама в свое время и мне проходу не давала, – сообщает он. – Она не только сластолюбива, но еще довольно мстительна и злопамятна.

– У вас с ней что-то было?

– А сам-то как думаешь?

– Честно говоря, я думал, что женщины тебя не интересуют.

– Золтан, открою тебе тайну: женщины меня иногда тоже интересуют. Но не такие, как Августа. Ну да ладно, я ведь зашел к тебе не для того, чтобы потрепаться про телочек. Нам нужно поговорить о работе. Сегодня утром я разговаривал с Паоло, и речь зашла о тебе...

По словам Марка, Рамбан хочет, чтобы я как можно скорее разобрался в деятельности корпорации. Для этого мне предстоит пройти небольшую стажировку в разных департаментах – по неделе в каждом, под непосредственным руководством глав отделов. Начать я должен с понедельника – с отдела по подбору персонала. Через неделю – Департамент безопасности и так далее.

– Я сам это тоже проходил, – признается Марк. – Было непросто, но, как видишь, остался жив.

Незаметно для него я нажимаю крошечную кнопку под кофейным столиком-экраном, включая запись разговора. Информация, которой мой гость собирался поделиться, наверняка будет интересна Харону. Однако Марк ведет речь не столько о департаментах, сколько о людях, которые их возглавляют. По его словам, все они в той или иной мере представляют для меня угрозу, но некоторые – в значительно большей степени, чем другие. А еще они терпеть друг друга не могут, но при этом старательно делают вид, что это не так. Так что мне предстоит еще та прогулка по минному полю.

– Марк, дружище, мне кажется, ты хочешь меня запугать.

– Зачем мне это? Единственное, чего я хочу, – чтобы ты не облажался, общаясь с нашими «шишками». Видишь ли, я несу за тебя ответственность – и перед Рамбаном, и перед Гаади.

Единственный из боссов, о котором не было сказано ни слова, – это Паоло Рамбан. Когда его имя всплывало в разговоре, рассказчик ловко перескакивал на другую тему, не награждая Рамбана ни комплиментом, ни колкостью. Когда его экскурс по ключевым персонам «Транс-Реалити» подошел к концу, рука Марка каким-то образом оказалась на моем колене.

– Может... – произнес он, не договаривая фразу, смысл которой был и так понятен.

– Извини, я пас, – аккуратно убрав руку гостя, на всякий случай слегка отодвигаюсь от него.

– Какие строгие нравы! – смеется Марк. – Золтан, дружище, ты словно застрял в Сингапуре своего детства.

Знал бы он о моем детстве!

– Может, в другой раз... – решаю я сгладить ситуацию.

Слишком ценный информатор – не стоит отталкивать его излишне резко. Но не настолько ценный, чтобы терпеть его руку на своем колене.

0017

Выходные я провел наименее приятным для меня образом – умиротворяющий Нагаркот во всю видеостену и такое же умиротворяющее чтение. К понедельнику был как новенький. Для окончательного закрепления эффекта я решил заскочить в автоцерковь, расположенную неподалеку от «Транс-Реалити», между go-go-баром «PassionFruit» и клиникой «Смена пола за час».

Стремительно растущая сеть автоцерквей пользуется особой популярностью среди вечно занятых клерков. Не нужно куда-то специально ехать – молельные капсулы уже растыканы почти на каждом углу. Также не нужно приходить на службу в определенное время – эти кабинки доступны двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Некоторые даже устанавливают молельную кабину

прямо у себя дома, но по мне – это уже слишком. Я и раньше пару раз в месяц заглядывал в ближайшую обитель веры, а теперь, когда мне стало известно, что автоцеркви принадлежат «Транс-Реалити», мои визиты приобрели еще и практический интерес.

В этот раз мне хочется чего-то экзотического, и я выбираю индуистское священнодействие. В молельной кабине царит полумрак, струится аромат сандаловых благовоний, а на стенах вокруг меня мелькает череда многоруких и многоголовых богов. Я надеялся на то, что меня свяжут с моим знакомым из Калькутты, но мне достается оператор из Восточной Европы – судя по тому, как он растягивает гласные.

– Намасте, брат мой! – обращается ко мне голос из динамика. – Ты хотел бы, чтобы я почитал тебе Веды или, может, ты желал бы помолиться вместе?

– Ни то ни другое, приятель, – отвечаю я. – Мне бы хотелось просто поболтать.

– И о чем же ты хочешь поговорить, брат?

– Знаешь, в последние дни со мной случилось много всякого... И похоже, не ко всему из этого я был готов.

– Даже встречаясь с неизведанным, мы должны сохранять шанти...

– Давай обойдемся без этих назидательных штучек, – попросил я.

– Как скажешь, – согласился собеседник. – Что же с тобой стряслось?

– Я встретил женщину, о которой все время теперь думаю. Она мне даже снится.

– Это прекрасно, брат. Ты не думал о том, чтобы признаться ей в своих чувствах?

– Мы с ней даже не знакомы. К тому же в моей жизни есть еще и другая женщина...

– Тебе не кажется, что ты растрачиваешь себя? Не лучше ли сосредоточиться на одной женщине, чтобы сделать ее счастливой?

– Мы ведь договорились – без нравоучений!

– Большинство людей приходят в нашу церковь именно за тем, что ты называешь нравоучениями.

– Только не я.

– Тогда зачем ты здесь?

– Мне просто нужно с кем-то поговорить. Обычно я заглядываю сюда случайно или если нужно собраться с мыслями перед важным делом. На этой неделе – и то и другое.

– Хочешь, я расскажу тебе индуистскую притчу?

– Только не притчу, твою мать!

– Не нужно так раздражаться, брат мой. Мне кажется, тебе недостает умиротворения. Может быть, ты хочешь предаться медитации? У тебя есть еще восемь оплаченных минут – этого времени вполне достаточно.

Отключиться от своих обычных мыслей во время медитации мне не удастся. В моем воображении возникают то Катрин, то Линн, то Августа, а затем и вовсе закручивается хоровод из женщин, с которыми у меня что-то было или о которых я фантазировал. Когда у меня все же получается изгнать из головы всю эту вереницу и мне начинает казаться, что я нахожусь в нескольких шагах от просветления, сеанс заканчивается.

Молельная кабина распахивает двери и заполняется ярким светом с улицы. В этот раз я чувствую еще большее раздражение от церкви, чем в прошлый. Вроде бы церемонии проводились по правилам соответствующих конфессий, но ни умиротворения, ни прозрения они мне не принесли. Особенно после ни с чем не сравнимого опыта на вечеринке Марка. Неожиданно для себя я чувствую острое желание его повторить... Даже несмотря на то, что я все еще не понимаю, что это на самом деле.

Марк встречается меня в вестибюле офиса, чтобы вручить временный пропуск и брелок на стажировку. Быстро просматриваю его, пока мы поднимаемся в лифте и идем по коридорам. Мой новый приятель, как обычно, болтает без умолку.

– Сегодня ты начинаешь неделю в отделе кадров. Руководит им один из древнейших акционеров корпорации, Давендранат Чопра. Хочу тебя сразу предупредить. Чопра всегда обладал скверным характером, а с тех пор, как его положение пошатнулось, так и совсем озверел.

– Что значит – пошатнулось?

– Главное, что ты должен знать, – этот тип очень вспыльчив, даже агрессивен. Если хочешь, чтобы он воспринимал тебя всерьез, придется научиться правильно реагировать на его вспышки гнева. Когда начнет на тебя орать, а он начнет обязательно, ни в коем случае не тушуйся – сохраняй спокойствие. И конечно же, не вздумай орать в ответ. Ну, это и так понятно. А еще тебе нужно показать ему, что ты настоящий мужик, что в тебе есть стержень. Не бойся показаться грубоватым – для него это нормально. Не в том смысле, что ты должен хамить ему, боже упаси. Просто покажи, что ты неотесанный мужлан – такой же, как и он. Тогда все у вас получится.

– А чего он должен на меня орать?

– Поверь мне, повод найдется.

– Столько заботы, Марк, я тронут! – улыбаюсь я, но он остается серьезным.

– Это моя работа. Нам нужно, чтобы ты прошел эту стажировку, и каждый ее этап будет для тебя испытанием. Думаю, ты справишься. Главное, помни: в нашей компании ничего нельзя воспринимать буквально.

Вспоминаю слова Паоло Рамбана: многое из того, что они здесь делают, можно выразить лишь языком метафор. Посмотрим, что он имел в виду.

Мы вошли в приемную Чопры, и Марк распахнул объятия перед секретаршей – сексапильной блондинкой слегка за тридцать, с большой силиконовой грудью. Про себя отмечаю, что ее лицо кажется мне очень знакомым. Не могу вспомнить, где я видел ее раньше – точно не в офисе корпорации.

Покачивая соблазнительными бедрами, секретарша Чопры заводит меня в кабинет своего шефа, в то время как тот разговаривает по телефону, сидя за большим дубовым столом. Он замечает меня и, не отрываясь от разговора, жестом предлагает сесть. Не найдя ничего кроме лавки, сделанной из двухметрового обрубка широкого ствола, я присаживаюсь на нее и принимаюсь разглядывать кабинет руководителя Департамента персонала, а также самого Чопру. Он говорит на языке, которого я не знаю, похожем одновременно на хинди и санскрит. Спустя минуту Чопра заметно распаляется, и в его речи начинают проскакивать интонации, в которых даже не владеющий языком человек вроде меня может опознать ругательства.

Чопра довольно высокого роста и широк в плечах – казалось, он с трудом уместается в своем немаленьком кресле. Из-за седой бороды и длинных серебристых патл было сложно определить его возраст, но уж точно не меньше пятидесяти. По желтоватым усам можно было сделать вывод, что он много курит, однако запаха табака в кабинете я не уловил. Выражение его смуглого лица оставалось неизменно суровым – возможно, из-за глубокой морщины, взбравшейся от переносицы и делившей лоб пополам. Он одет в простую рубаху, расстегнутую на груди, а его крупные руки украшают два перстня: на правой руке – с изображением многорукого божества, на левой – с двумя перекрещенными молниями.

Внезапно Чопра, заметив, что я разглядываю его, бросает на меня свирепый взгляд – мол, чего уставился? Я вынужден переключить внимание на стену за его спиной, где красуется коллекция древних амулетов – костяных, деревянных и высеченных из камня. В углу – и я едва поверил своим глазам, настолько неуместен он был в офисном кабинете, – разместился запачканный пеплом алтарь бога Шивы. Под ним лежал барабан, труба из бычьего рога, еще какие-то мирные предметы вроде сосуда для воды, серебристых тапочек и колокола. Еще я заметил четки из костяшек человеческих пальцев и запачканную бурыми пятнами чашу, в которой было несложно узнать верхушку черепа.

– Это ты – Золтан? – завершив телефонный разговор, Чопра обращает взгляд на меня.

С трудом оторвав глаза от алтаря, поднимаюсь с неудобной скамьи, ожидая, что он протянет мне руку. Этого не происходит, и я усаживаюсь обратно.

– Рамбан сказал, что тебя вне очереди допустили до стажировки, – ворчит он. – Сразу хочу сказать: я не в восторге от этой идеи.

– Почему бы вам не обсудить это с мистером Рамбаном? – предлагаю я, тут же замечая, как его глаза наливаются кровью.

– Ну, давай, поучи меня еще, что и с кем мне обсуждать!

– Простите, но я...

– Ты знаешь, сколько я видел таких сопляков, как ты? – Он переходит на крик. – Думаешь, ты новая звезда компании и тебе все можно? Я таких, как ты, еще с десяток найду, хоть сегодня!

Вспомнив о совете Марка, я развалился в кресле, сложив руки за головой, будто никуда не собираюсь уходить. Спокойно смотрю ему в глаза.

– Господин Чопра, давайте оставаться в рамках корпоративной этики. У вас есть ко мне вопросы или поручения?

Чопра с минуту смотрит на меня, громко сопя и пожевывая ус, словно решает, прибить меня массивным пресс-папье или выбросить из окна.

– Как по мне, так все вы – жалкие сопляки и потеря времени! – ворчит он. – Чтобы тут работать, нужны стальные яйца. У тебя они есть, ганду? Вот что я хотел бы знать!

Я все так же смотрю на него в упор, но доброжелательно, ожидая очередного взрыва или другой выходки. Что-то пробормотав про себя, он поднимается со своего места и, тяжело ступая, идет к двери. Распахивает ее и орет на всю приемную:

– Дженна! Покажи этому чуттия, что тут у нас к чему! И проследи, чтобы не совал нос куда не следует!

Дженна появляется в дверях, прижимая к груди планшет с уже знакомым логотипом компании, и одаривает меня соблазнительной улыбкой, будто не замечая, до чего разъярен ее босс. Меня в ней это сразу подкупает.

– Итак, Золтан, вы готовы? Экскурсия начинается! – бодрым голосом произносит она. – Следуйте за мной!

– И не дурить там! Кожу сдеру! – добавляет Чопра, провожая меня взглядом – к моему удивлению, гораздо менее свирепым, чем в начале.

Кажется, мне удалось внушить ему какое-то уважение. Помимо этого, можно было бы сказать, что наше общение было непродуктивным. Если бы минутой раньше я не успел сделать бросок к столу и сфотографировать лежавшую там распечатку.

0018

Во время обследования пятнадцатого этажа, где размещался Департамент персонала, я узнал, что все претенденты перед приемом на работу в «Транс-Реалити» без исключения проходят трехступенчатый тест по системе «ЗС», технология которого разработана лично Давендранатом Чопрой. Сначала Дженна завела меня в небольшую комнатку, похожую на кладовку. Это помещение прозрачной стеной было отделено от просторного зала, где пятеро клерков за маленькими столиками проводили собеседование с пятерыми соискателями на должность.

– Они нас не видят, верно? – спрашиваю я, слегка постучав по стеклянной стене.

– Зато мы можем их и видеть, и слышать. В каждый стол встроен микрофон, – Дженна протянула руку к пульту на стене, и наша комнатка наполнилась голосами.

Это была беседа клерка лет двадцати пяти и пришедшей на собеседование девушки примерно такого же возраста.

– Представьте себе ситуацию: в офисном здании одновременно падают три кабины лифтов, – монотонным голосом бубнил клерк. – Вы следите за происходящим на мониторах. В одной кабине находится ваш близкий друг, в другой – трехлетний ребенок, а в третьей – щенок лабрадора. Вы успеете дотянуться лишь до одного рычага, чтобы остановить падение одной из кабин. Кого вы спасете?

– Ребенка, – не раздумывая, ответила девушка.

– А вас не удивляет, что пятилетний ребенок очутился в кабине офисного лифта без сопровождающих?

– Я об этом не подумала... Может, его привели родители, а он забежал в лифт?

– Но вы должны понимать, что все современные лифты не трогаются с места, если не ощущают массу тела взрослого человека.

– Я думала, это условие задачи...

– Но никто не говорил вам, что вы не можете сомневаться в этих условиях. Я уж молчу о том, откуда в офисном центре взялся щенок лабрадора...

– Тогда, пожалуй, я спасла бы своего друга.

– Мне очень жаль, но ваш друг уже разбился, пока мы тут беседовали о детях и щенках.

Дженна выключила звук.

– Это первая из ступеней теста «ЗС» – Спинкинг-Тест, – объяснила она. – Цель спинкинг-теста – выявить у претендента склонность к критическому мышлению и...

– ...любовь к щенкам?

– Уровень эмпатии. Мы анализируем, насколько одно мешает другому.

– Эмпатия вообще непрактичная вещь.

– На некоторых позициях в нашей компании она может быть гораздо полезнее критического мышления. Пройдем дальше.

Мы долго идем по коридору без окон, прежде чем оказываемся в очередном кабинете с прозрачной стеной. На этот раз просторный зал за стеклом напоминает учебную аудиторию: две дюжины столов, за каждым из которых – по соискателю. Все они что-то сосредоточенно печатают на мониторах, интегрированных в рабочие столы.

– Вторая ступень «3С» – Стресс-Тест. Соискателям дается письменное задание из пятидесяти вопросов, на которые нужно ответить в течение получаса.

– А в чем стресс?

– Сейчас увидишь.

Дженна нажимает пару кнопок на встроенной в стену панели, и людей обдает струями воды из-под потолка. Те вздрагивают, затем поспешно отряхиваются, но продолжают печатать.

– У них что, водостойкие гаджеты?

– Совершенно верно. Смотри, что будет теперь.

Она нажимает еще какую-то кнопку, и одна из девушек подсакивает на месте так, что клавиатура вылетает у нее из рук.

– Разряд тока, – объясняет Дженна. – А теперь попробуем посильнее.

На этот раз она шарахает током парня, который сидел в первом ряду. Из-за лужи воды вокруг его стола током бьет и тех, кто сидит поблизости.

– А какие есть еще факторы стресса? – любопытствую я, пытаюсь скрыть легкую оторопь от происходящего. Дженне же, кажется, все это даже нравится.

– Можно напустить едкий дым, можно использовать неприятные шумы и вибрацию столов. И разумеется, можно регулировать температуру – сделать из аудитории сауну или холодильник. Что бы ты выбрал, Золтан?

– А можно использовать несколько функций сразу?

– Почему бы нет!

– Тогда я предпочел бы едкий дым, холод и вибрацию столов.

– Без проблем.

– Разумеется, я шучу! – спохватываюсь я.

– Как скажешь. – Дженна, кажется, немного разочарована.

Пока мы идем по коридору, я обращаю внимание на ряд дверей, обозначенных знаками всевозможных религий и культов, причем довольно неравномерно. Целых четыре двери были с христианскими крестами, несколько с полумесяцем, пара с фигуркой Будды, а остальные маркированы двумя, тремя, а то и пятью символами сразу (я разглядел даже перевернутую пентаграмму сатанистов).

– Это что, молельные залы?

– Можно сказать и так.

– Не много ли для одной корпорации?

– О, ты не понял. Здесь не молятся, а помогают молиться другим. Загляни, только тихо.

Приоткрываю ближайшую дверь, которая помечена одновременно индуистским символом Ом и звездой Давида. Зал, открывшийся моим глазам, устроен как

обычный колл-центр, с отсеками, десятками сотрудников в мятых рубашках и телефонными гарнитурами на головах. Все они бормочут что-то, кто-то монотонно напевает, кто-то безразлично слушает, кивая головой, и все время от времени поглядывают на часы в ожидании ланча. Перед «священниками» стоят мониторы с интерактивным текстом сценария, с которым те иногда сверяются.

– Намасте, брат мой! Ты хотел бы, чтобы я почитал тебе Веды или, может, ты желал бы помолиться вместе? – вдруг различаю знакомый голос.

Прислушавшись, понимаю: тот самый «индуист» из «Восточной Европы», с которым я общался утром, оказывается полным лысеющим азиатом в очках и потертом пиджаке. Умело изображая восточноевропейский акцент, он успевает раскладывать пасьянс на компьютере и прикладываться к чашке кофе.

Я остолбенел от удивления, близкого к разочарованию, – настолько обыденной оказалась изнанка универсальных автоцерквей. Неудивительно, что они начали раздражать меня в последнее время! Как и неудивителен их успех. Команда вышколенных болтунов обслуживала вечно спешащее общество куда лучше старомодных церквей. Только с какой целью «Транс-Реалити» этим занимается? Неужели этот бизнес настолько прибылен? От этих мыслей меня отрывает Дженна, которая довольно настойчиво тянет меня (за руку) из дверей «молельни».

– Идем дальше? Только не спрашивай меня по сути этого дела, я тут сама ничего не понимаю.

Подчиняюсь, решая оставить размышления о своем открытии на потом. Спустя несколько минут мы оказываемся в помещении, напоминающем раздевалку спортклуба: в ряд выстроились шкафчики для одежды и душевые кабинки. Напротив душевых три двери, над одной из которых горит красная лампа с надписью «НЕ ВХОДИТЬ».

– Вот мы и добрались до места, где проводится третья стадия теста «ЗС», – сообщила моя провожатая. – Это Секс-Тест.

Кінець ознайомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/dimitrov_nikolas/diler-real-nosti

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)